

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

СЮЖЕТ С
ЗОЛОТЫМИ
ЗУБАМИ

ЭКСМО

В мире преступных страстей
Виола Тараканова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Фея с золотыми зубами

«ЭКСМО»

2010

Донцова Д. А.

Фея с золотыми зубами / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2010 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Я, Виола Тараканова, более известная как писательница Арина Виолова, не могла и представить, что когда-нибудь соглашусь работать... «литературным негром»! Но как быть, если новая квартира съела все сбережения, а из обстановки в ней – одни голые стены? Вот и приходится терпеть закидоны юной супруги олигарха Лизы Ласкиной, которой вдруг взбрело в голову написать детектив. Работа не клеилась, а потом и вовсе прервалась: внезапно умер муж Ласкиной. Лиза, которой некому довериться, рассказала: незадолго до гибели ее супруг получил посылку с непонятной запиской: «Настя Варенкина проклиняет всех крыс». Но я выяснила, что неведомая Настя давным-давно погибла и никак не может мстить Ласкину! А еще я обнаружила в доме олигарха странный цветок, о котором Лиза ничего не знает, и сразу заподозрила неладное...

© Донцова Д. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дарья Донцова

Фея с золотыми зубами

Глава 1

Хочешь увидеть своего злейшего врага, посмотри в зеркало.

– Вилка, как тебе идея отправить ее в выходные на Лазурку? – прозвучал капризный голосок.

Я вынырнула из мрачных раздумий и велела себе: ну-ка, дорогая, долой уныние, включи мозги, улыбнись и попытайся в очередной раз втолковать Лизе, что простые российские женщины не летают на собственном самолете на уик-энд на Лазурный Берег во Франции.

– Опять не понравилось? – скорчила гримасу собеседница, – боже, как с тобой трудно!

Я машинально кивнула, вот тут Лизонька права на сто процентов. Большинство людей полагает, что нет ничего проще, чем накропать книгу: стоит сесть за стол, как слова сами выльются на бумагу. Если же у вас никак не получается выдать на-гора связный текст, то, вероятнее всего, виноват стул из искусственной кожи, с неудобной спинкой и жестким сиденьем. Именно эту причину и назвала Лизавета, когда я, впервые причитав написанный ею опус, решительно сказала: «Прости, но это белиберда».

– Конечно, разве может родиться путевая рукопись, если сидишь так, что оскорблен не только взор, но и попа!

Помнится, в тот момент я едва удержалась от смешка. Вы представляете себе обиженную на весь мир попу? А потом началось! На каждое мое замечание Лиза, моргнув, заявляла:

– Бумага желтая, ручка скрипит, чернила фиолетовые, а не синие. Надо заказать особую с водяными знаками и купить перо из золота, я хочу писать как Пушкин, а не долбать по клавиатуре. Конечно, с компом удобнее, но все великие оставили после себя рукописи, а не файлы.

– Во времена Толстого и Достоевского еще не придумали даже пишущую машинку, – поддела я ее и пожалела, потому что Лиза надулась и отбрила:

– Эй, сейчас я тут гений.

Думаю, вы ничего не понимаете, поэтому попытаюсь объяснить ситуацию, в которую я влипла.

В самом начале марта, если быть точной, первого числа, я проводила автографсессию в Доме книги на Новом поле. Очень люблю этот магазин, там мне всегда дают понять: Арина Виолова¹ – лучший писатель всех времен и народов. Конечно, красавица и умница Надежда Ивановна Михайлова, директор торгового комплекса, на самом деле просто хочет сделать мне приятное. Навряд ли она вообще читала хоть одно бессмертное творение детективного жанра, из тех, что я написала в течение нескольких лет. Но едва я вхожу в ее кабинет, как она угощает меня чаем и, что самое интересное, всегда помнит про мои любимые крекеры, ставит на стол именно их, а не жирное курабье. Да и сама автографсессия бывает отлично организована, радио призывает посетителей быстро покупать книги Виоловой и мчаться за дарственной надписью. При этом постоянно звучат эпитеты: «несравненная Арина», «самая читаемая», «наиболее популярная». Ясно, что никто не станет рекламировать товар, сообщая о его недостатках, но все же лестно!

Кроме того, у Наденьки Михайловой всегда организована видеосъемка мероприятия и приглашено несколько журналистов. Когда я вижу перед своим носом диктофон или видеока-

¹ Арина Виолова – псевдоним Виолы Таракановой, под этим именем она издает детективные романы.

меру, я буквально ощущаю себя мегазвездой. В конце встречи с читателями мне вручают роскошный букет и провожают до машины со словами: «Приезжайте еще, мы вам очень-очень-очень рады».

Естественно, я несусь к Михайловой в любое время дня, в принципе готова и ночью раздавать автографы в ее владениях. А кто откажется услышать о своей гениальности? Меня удивляет, каким образом Надежда Ивановна, блондинка с фигурой манекенщицы и лицом киноактрисы, управляет таким серьезным бизнесом. Похоже, ее при рождении поцеловал ангел, вот она и получила все сразу: красоту, ум, трудолюбие и целеустремленность. Положение обязывает именовать генерального директора сети магазинов по имени-отчеству, и я так к ней и обращаюсь: «Надежда Ивановна», но за глаза всегда говорю «Надюша». Она очень молода, сомневаюсь, что одному из главных книготорговцев страны исполнилось тридцать лет.

Теперь понимаете, почему я полетела в Дом книги на Новом поле по первому зову?

В тот день интерес к моим книгам зашкалил за красную планку. Объяснялся всплеск моей популярности просто: до Восьмого марта оставалась всего неделя, поэтому большинство мужчин, положив передо мной томик, просили: «Напишите, что это в подарок к празднику».

Мои детективы пока не достигли пика продаваемости, как романы Милады Смоляковой, но у меня есть свой круг читателей, в основном женщин. Они будут рады увидеть на титульном листе добрые пожелания от автора. Поэтому все были довольны: представители сильной половины человечества получали за небольшие деньги достойный презент для любимых дам, а я грелась в лучах славы.

Самым последним ко мне подошел хорошо одетый мужчина, явно не нуждавшийся в деньгах. Весь его вид свидетельствовал о достатке: отличный костюм, дорогие часы, легкий аромат парфюма. Покупатель, несмотря на холодный день и пронизывающий ветер, оказался без пальто: верхняя одежда явно была оставлена в машине на попечение шофера.

– Можете автограф чиркануть? – попросил он и, не дождавшись моей реакции, положил на пластиковую столешницу мой самый первый роман.

– Книга старая, – на всякий случай заметила я, – не новинка.

– Однофигственно, – «мило» ответил мужчина.

С читателями не стоит спорить, и, главное, на них нельзя обижаться, в конце концов, человек платит деньги и не намерен в придачу слушать лекцию о хорошем воспитании.

Я быстро оставила автограф и обрадовалась. Очередь иссякла, можно ехать домой.

– Нам бы поговорить, – деловито заявил мужчина, – я Виктор Ласкин, тот самый.

Я машинально кивнула, хотя, признаюсь честно, понятия не имела, кто такой «тот самый Ласкин». Наверное, на моем фальшиво приветливом лице отразилось легкое недоумение, а мужчине нельзя было отказать в наблюдательности. Он сделал быстрое движение рукой, получил от одного из охранников визитку и подал ее мне. «Виктор Михайлович Ласкин, президент совета директоров компании «Гвоздь-альянс». Остальной непривычно длинный для карточки текст, состоящий из перечисления разных предприятий, я читать не стала. И так было понятно: на встречу с писательницей пришли Большие Деньги.

– Пусть ваша охрана договорится с моими парнями, – деловито распорядился Ласкин, ни на секунду не допуская мысли, что я могу заартачиться и отказаться от беседы с ним, – лучше нам побалакать в моей машине. Эй, Николай, разберись!

Словно из-под земли выскочил похожий на бульдога парень и почтительно зажурчал:

– Уважаемая Виола Ленинидовна, позовите своих пастухов, чтоб недоразумения не вышло.

– Кого? – спросила я, отметив при сем, что секьюрити не переврал моего отчества, хотя большинство людей величает госпожу Тараканову «Леонидовной».

– Ну, охрану, – уточнил Николай. – Они небось в джипе сопровождения сидят? Не считите за беспокойство, топните ножкой, враз прибегут.

Я ощутила себя дворняжкой, встретившей на прогулке собаку, наряженную заботливым хозяином в попону, сапожки, ошейник со стразами с поводком из змеиной кожи, и смущенно выпалила:

– У меня нет охраны.

Николай вытаращил глаза.

– Че? Вот так, одна, ходите? Ну и ну!

– Пойдемте, – распорядился Виктор, – у меня есть предложение, вам оно понравится.

Крайне неразумно в наше смутное время отправляться с незнакомым мужчиной в его машину, но я двинулась за Ласкиным и вскоре уже сидела в «Майбахе». Меня охватило любопытство, я начала разглядывать убранство салона. Ну когда еще доведется посидеть в тачке, цена на которую стартует с тридцати миллионов рублей и не имеет верхнего предела!

– Кофе? – любезно предложил Ласкин.

Я кивнула и уставилась на дверь, ожидая, что та сейчас распахнется и появится очаровательная мулатка с подносом. Но хозяин ткнул пальцем в кнопку на панели, послышались тихое шуршание, журчание, легкий скрип, из спинки сиденья выплыл столик, и хозяин поставил на него фарфоровую чашечку, от которой поплыл аромат арабики. В «Майбахе» имелась машина для варки эспрессо. Оставалось лишь гадать, что здесь еще есть: телевизор – телефон – факс – кинотеатр – бар – ракетная установка – вертолетная площадка?

Словно подслушав мысли гостыи, Виктор нажал еще на одну кнопку. Открылась дверца СВЧ-печки. Хозяин вытащил оттуда тарелку и спросил:

– Как насчет подкрепиться? Отбивная из свинины, жареная картошка, гренки? Готовит мой повар, качество и отменный вкус гарантирую.

– Спасибо, нет аппетита, – пробормотала я.

– Ну а я поем, – с энтузиазмом воскликнул Ласкин, – у меня с аппетитом полный порядок, а вот времени на спокойную трапезу нет.

Продолжая жаловаться на плотное рабочее расписание, Виктор вынул из кармана в спинке сиденья пластиковую банку, вытряс оттуда серо-зеленую капсулу и отправил ее в рот со словами:

– Стараюсь все же следить за здоровьем. Мой фитнес-тренер Макс ездил в Америку, привез эти витамины. Хорошая штука для тех, кто активно занимается в тренажерном зале. Я по вечерам железо двигаю. Ну да ладно, перейдем к делу, чтобы не ходить вокруг да около и не тратить попусту время, я начну с главного – у меня есть жена!

Я инстинктивно отползла на пару сантиметров от олигарха, но уже через секунду расслабилась: Вилка, ты не представляешь ни малейшего сексуального интереса для мешка с пиастрами, не тот у тебя возраст и не те внешние данные. Виктор же продолжал:

– Лиза, моя супруга, обожает ваши книги, перечитала их все не по одному разу. Куда в доме ни пойдешь – наткнешься на романы Виоловой: в ванной, спальне, туалете.

Я вздохнула. Некоторые полагают, что сказав: «Вас читают в сортире», – удачно пошутили или обидели литератора. Вовсе нет: если с книгами Виоловой ходят в уголок задумчивости, значит, она популярна.

– Лиза долго выбирала свой путь в жизни, – гудел Ласкин, – и наконец определилась, решив стать детективнописчицей.

Слово «детективнописчица» было для меня новым, но понятным.

– Йес? – вдруг спросил Виктор. – Вы согласны?

– На что? – уточнила я.

– Оплата нормальная, – по-своему понял мой интерес производитель гвоздей, – вот, посмотрите.

Я уставилась на экран небольшого компьютера и попробовала сосчитать нули в возникшей перед глазами сумме. Он шутит? Столько в России литераторам не платят!

– Так как? – наседал Виктор. – О'кей? Берешься?

В моей голове забрезжил луч понимания.

– Вы хотите, чтобы я научила Елизавету писать криминальные романы? Извините, но к преподавательской деятельности я неспособна, вам лучше нанять профессора из литературного института.

Ласкин потер шею и решил обойтись без церемоний.

– Ты не поняла. Склепаешь историю ты, а в свет ее выпустят под Лизкиным именем.

– Но это будет моя книга, – осторожно сказала я.

– Не перебивай, слушай внимательно, – велел магнат, – сейчас сдую туман.

– Сдувайте, – кивнула я и глотнула кофе: если уж попала в нелепую ситуацию, надо получить от нее хоть какое-то удовольствие!

Виктор стал вводить меня в курс дела.

В отличие от большинства мужчин, достигших богатства в перестройку, Виктор не прогнал прочь первую супругу, чтобы жениться на сексапильной молодой жене. Жена Ласкина умерла после тяжелой болезни. Некоторое время Витя вдовствовал, а потом посватался к юной дочери Константина Ерофеева, владельца заводов, пароходов, самолетов и яхт. Лиза Ерофеева не имела никакой нужды выходить замуж по расчету, добрый папа мог купить единственной наследнице любого парня, но она неожиданно согласилась с волей отца. О свадьбе долго кричали все гламурные издания, журналисты никак не могли успокоиться и рассказывали о баснословно дорогом подвенечном платье, расшитом драгоценными камнями, и об острове, который муж подарил молодой жене.

Несмотря на богатство, Лиза Ерофеева воспитывалась отцом в строгости: Ерофеев не разрешал ей таскаться по тусовкам, в свет девушка выезжала исключительно с ним и лишь на особенно торжественные мероприятия, вроде Венского бала. Неудивительно, что, став замужней дамой, Лизонька бросилась с головой в череду вечеринок, улыбалась во все нацеленные на нее камеры, а потом скупала гламурные журналы и по-детски радовалась, обнаружив везде свои фото с подписью «очаровательная Елизавета Ласкина в платье от Шанель!» Марки одежды менялись, украшения всякий раз были новые, тщательно подбирались аксессуары, и года два Лизонька была королевой тусовок, но настал момент, когда она не обнаружила себя на страницах издания, которое ранее всегда исправно публиковало ее снимки. Решив, что это ошибка, Лиза не стала закатывать главному редактору скандал, а лишь посмеялась над конфузом. Но потом о Ласкиной «забыли» в другом еженедельнике, на десятилетие которого она явилась в сногшибательном туалете от самого знаменитого из всех модных модельеров.

Лиза насторожилась и приказала своей помощнице Вике разведать обстановку, та замялась и пробубнила нечто маловразумительное.

– Непременно говори правду или уволь, – разозлилась Лизочка.

Секретарь затряслась, но ответила честно:

– Времена изменились, теперь не модно быть обычной женой. Посмотрите на остальных. Лена Моралли поэтесса, Катя Едвиллова дизайнер, Ольга Постникова модельер.

Ласкина налетела на Вику с воплем:

– Ерунды не болтай! Лена Моралли на самом деле Ленка Петкина, она работала продавщицей в магазине, там и встретила Родиона Боркина. Родя был женат, но Елене удалось его охмурить, она родила любовнику ребенка. Чтобы избежать скандала, Боркин устроил Петкиной фиктивный брак с французским графом. Так наша торгашка превратилась в госпожу Моралли. Вот только ее мифического аристократа никто ни разу не видел. Свадьбу, якобы по просьбе свекрови, играли в замке, в сугубо приватной обстановке. Родион по-прежнему содержит Ленку, и он же ее стишата издает за свой счет! А Едвиллова с Постниковой! Дизайнер и модельер! Вика, ты это всерьез? Первая оформила дом своей мамы, а вторая где-то кому-то когда-то вроде бы показала эскизы какого-то платья. Ухохотаться! Ну прям Коко Шанель!

– Все верно, – согласилась помощница. – Но правду про Моралли и остальных знает лишь узкий круг, для простых читателей они творческие личности. Вам необходимо кем-то стать.

– Может, купить магазин? – протянула Лиза. – Я шмотки люблю, начну ими торговать. Прямо сейчас позвоню Вите, пусть этим займется.

– Нет-нет, – остановила хозяйку секретарь. – Цветочный, конфетный и прочий бутики уже не в моде, это прошлый век! В двадцать первом столетии необходимо самовыражаться творчески. Посмотрите на шоу-бизнес, там четко феньку секут: нынче певицы книги строчат.

Глава 2

Я кивнула.

– Ясно. Я пишу роман, на обложке ставят «Елизавета Ласкина».

– Умница, – одобрил меня Виктор, – пусть Лизка порадует: автографы, корреспонденты, телесъемка. Родька Боркин свою бабень Моралли по полной раскрутить боится, ему жена пальцы переломает, а мне для любимой девочки ничего не жаль. Пускай Моралли и прочие модельеры с певичками от зависти почернеют. Распиарю Лизочку! Короче, берешься?

– Почему я? – Вопрос был естественный. – Есть же Смолякова, она пишет замечательно и популярность ее велика.

– Лиза тебя любит, – улыбнулся Витя, – ей охота с Виоловой работать. Деньги тебе нужны?

– Очень, – выпалила я и прикусила язык.

Неприлично столь откровенно признаваться в корыстолюбии, но у меня действительно сложилась непростая финансовая ситуация.

Некоторое время назад я, взяв в банке солидный кредит, приобрела роскошную квартиру и затеяла в ней ремонт. Зачем мне, не обремененной ни мужем, ни детьми, ни престарелыми родителями, многокомнатные апартаменты? Если честно, больше всего я хотела утереть нос Олегу Куприну, представляла, как приглашу в пентхаус журналистов, а потом в киосках появятся журналы с фотографиями и мой бывший начнет кусать локти. Среди сотрудников Олега у меня остались приятели, я в курсе, что мой экс-спутник жизни до сих пор ютится в съемной однушке и успел за короткий срок поменять трех любовниц. Полагаю, что «шпионы» работают на обе стороны, и Куприну исправно доносят: госпожа Тараканова приобрела пентхаус и абсолютно счастлива с Юрием Шумаковым, который по странному стечению обстоятельств тоже служит в милиции.

Увы, в долг мы ненадолго берем чужие денежки, а отдаем навсегда свои. Я с огромным трудом расплатилась с кредиторами и сегодня наконец-то перебралась в хоромы. Но спать мне придется на надувном матрасе, мой счет похудел до дистрофического состояния, пополнится он лишь после выхода нового романа и недолго останется тучным. Сообщить вам, сколько нынче стоит мебель?

– Ну, не тяни, – поторопил меня Ласкин, – да или нет? Если соглашаешься, сегодня же перевожу аванс.

– Сколько? – пробормотала я.

– Половину, – сказал Виктор.

– Ладно, – кивнула я и разом решила свои финансовые трудности.

Ласкин не обманул. Бюджет мой пополнился, впереди меня ожидает вторая часть солидного куша. Однако решившись на эту авантюру, я в первую очередь подумала о деньгах, а то, что зарабатывать их придется в процессе постоянного общения и непрекращающихся споров с Лизой, мне и в голову не пришло.

И вот сейчас, в двадцатых числах марта, я вспомнила старую истину: хочешь увидеть своего злейшего врага – посмотри в зеркало. Наивная Виола полагала, что она дома быстро напишет повесть и начнет тратить честно заработанные тугрики. Особо заморачиваться с сюжетом я не собиралась, да и, честно говоря, хотела немного слукавить.

Год назад меня сурово отчитала редактор Олеся Константиновна:

– Виола, очень прошу, избегай повтора сюжетных ходов в книгах. Роман «Бегемот в лапах» начинается у тебя с описания свадьбы, на которой гости отравились грибами. А в книге «Лысая птица счастья» ты использовала тот же прием.

Я возразила:

– А вот и нет! Во втором произведении свежеиспеченная теща полакомилась рыбой и скончалась не во время свадебного застолья, а после него.

Олеся деликатно кашлянула.

– Извини, но в чем разница?

– Там опята, здесь лосось, – уперлась я, – еда разная.

– Давай наложим мораторий на убийства во время бракосочетаний, – улыбнулась Олеся, – или ты намерена создать серию «Мертвецы свадебного пира»?

– Больше никогда, – поклялась я, приехала домой и уставилась на рукопись на столе.

Ну надо же, дописала ее до сто пятьдесят восьмой страницы и до сегодняшнего утра полагала, что придумала гениальный ход: главная героиня становится свидетельницей невесты, приносит в подарок плед из норки, а тот заражен орнитозом. Мать жениха скончалась, укрывшись одеялом.

Сначала я не оценила масштабов бедствия, подумав: не беда, я легко переделаю текст, – и в порыве вдохновения живо превратила свадьбу в похороны.

Результат мне понравился, но тут с работы приехал Юра и сел ужинать. Я решила сопроводить его трапезу чтением вслух и была огорошена реакцией любимого. Правда, сначала Юрасик воскликнул:

– Замечательно, гениально, восхитительно, ты во сто раз лучше Агаты Кристи, – но потом неожиданно плюхнул в мед изрядную порцию дегтя: – Но есть маленькая проблема, на похороны не принято дарить подарки.

– Ах да, – растерялась я, – твоя правда.

– И норка не болеет орнитозом, – расхрабрился «критик», – он поражает только птиц.

Я совсем приуныла.

– А какие недуги у норок?

Юра отложил вилку.

– Затрудняюсь ответить. Может, насморк или воспаление легких?

Я поняла, что положение катастрофическое.

– Сопли и кашель, конечно, заразны, но человечество давно придумало антибиотики. И сильно сомневаюсь, что, накинув меховое одеяло, можно получить хотя бы простуду.

Юра пару секунд вертел в пальцах кусок хлеба, потом воскликнул:

– Понос! Я слышал, у лис беда с пищеварением. Переделай норку на чернобурку.

– Слабый желудок бывает у медведей, – мрачно пошутила я, – а лисий понос не передается человеку.

– Лисиний, – не к месту поправил меня Юрасик, – или лисий? Извини, тебе придется переписать текст.

Я приуныла, а Юра зафонтанировал идеями:

– Я придумал! Слушай! У новобрачной день рождения, свекровь дарит ей свинью, а та заражена гриппом. Круто?

– Нет слов, – возразила я, – но где молодая жена, там и свадьба, а этот сюжет использовать нельзя. И я хотела лишиться жизни не главную героиню, а мать ее мужа.

– Вполне понятное женское желание отравить свекровь, – хмыкнул Юрий, – но где супруг, там и свадьба.

– Черт, – вырвалось у меня.

– Вот тебе креативный вариант, – потер руки любимый, – у пожилой вдовы есть свекровь, которая разводит свиней, больных гриппом. Тут все тип-топ. Коли героине романа перевалило за шестьдесят, желания закричать «горько» ни у кого не возникнет.

– Ей шестьдесят, сколько тогда матушке покойного мужа? – спросила я.

– Девяносто, – выпалил Юра и поправился, – ну... восемьдесят. Или даже меньше. Тут возможны варианты. Вау! Героиня нашла себе молодого, нынче это модно. И...

– ...Мы опять плавно переходим к свадьбе, – буркнула я, только сейчас поняв, что испытывает Олеся Константиновна, общаясь с авторами.

Мозговой штурм провалился, я засунула бедную рукопись поглубже в ящик, но вот теперь могу ее вынуть. Убийство во время свадьбы является повторным приемом для Арины Виоловой, но кто упрекнет в этом Лизу Ласкину? У той первая книга, следовательно, никаких претензий, и половина романа есть.

Увы, моя радость померкла, как только я встретила с Ласкиной. У девушки было собственное мнение по поводу книги.

– Я буду диктовать тебе историю, – самоуверенно заявила она, – запишешь ее, отредактируешь, добавишь диалогов.

И вот на календаре последняя декада марта, а у нас работа практически не сдвинулась с места. Почему? Сейчас сами поймете.

Фраза, с которой Лизавета собралась начать бестселлер, звучала так: «Катя Монахова, москвичка из простой рабочей семьи, была очень недовольна горничной Машей, которая вот уже седьмое утро подряд подавала ей к завтраку не свежее испеченные горячие круассаны, а чуть теплые, клеклые булки, купленные в пекарне накануне вечером».

В первую минуту я решила, что Лиза задумала стеб, но потом «москвичка из простой рабочей семьи», собираясь на службу, принялась искать в гардеробной сумку «Биркин», натягивать белые лаковые сапоги от «Диор» и отчитывать шофера, который не включил в «Бентли» подогрев сиденья.

Примерно неделя ушла у Лизы на то, чтобы усвоить: простая столичная девушка не одевается в люксовых бутиках, горничной у нее служит мама, а роль шофера изредка соглашается исполнить сердечный друг. Вот только матушка не собирается терпеть капризы дочки, связанные с едой, и печь на заре плюшки не станет, а любовник может позвонить в восемь утра и, не испытывая угрызений совести, возвестить:

– Слышь, я тут занят, за тобой не заеду, топай к метро.

Конечно, многие россиянки обзавелись собственными «колесами», но это чаще всего малолитражка, взятая в кредит, а не фешенебельная иномарка.

Следующие семь дней понадобились уже мне, чтоб сообразить: хоть мы с Ласкиной и живем в одном городе, но моя Москва и Москва Лизы отличаются друг от друга, словно эфиоп от эскимоса. Лиза на самом деле никогда не спускалась в столичное метро, искренне полагала, что сто семьдесят пятые туфли от «Лабутен» крайне необходимы каждой женщине, не мыслила себя без ежедневной укладки волос в салоне и, широко распахнув глаза, спрашивала:

– Разве не во всех школах открыты бассейны и теннисные корты?

Общаясь с Ласкиной, я в полной мере оценила интеллигентность и незлобивость редактора Олеси Константиновны. Если я в своих книгах допускаю хоть сотую долю ляпов, подобных Лизиним, то меня давно следовало прихлопнуть бронзовым пресс-папье. Тем не менее я до сих пор жива, и не потому, что перестала писать про норку с орнитозом, а потому, что мой редактор умеет держать себя в руках. Правда, у Олеси на столе отсутствует упомянутое пресс-папье. Наверное, все же соблазн шандарахнуть писателя по маковке нет-нет да и посещает безупречно вежливого редактора, вот она и убрала от греха подальше колющие, режущие и тяжелые предметы.

– Лазурка теперь доступна всем, – топнула ногой Лиза, – нужно каких-нибудь десять тысяч евриков, и можешь дефилировать по набережной. Ладно, не стану спорить, придумаю новый сюжет.

Я незаметно ущипнула себя за бок. Эй, Виола, очнись, вспомни о сумме с многими нулями и постарайся побыстрее выполнить взятые на себя в недобрый час обязательства. В конце концов, на обложке появится фамилия «Ласкина», я к ее позору ни малейшего отноше-

ния иметь не буду. Если Лизе очень хочется, пусть ее героиня покупает на зарплату менеджера самолет и гоняет на нем в Париж за свежими круассанами.

– Перестань кукситься, – потребовала Лиза.

Я вынырнула из своих мыслей.

– Я вся внимание.

– У одной девочки есть папа, – застрекотала Лиза, – а мама умерла. Отец женился во второй раз...

– Если собираешься пересказывать «Золушку», не трать время, – зевнула я.

– Мачеха очень молодая, – не обиделась на мой выпад Лизавета, – ей чуть за двадцать, а отцу намного больше, он богат, новая баба красивая, но бедная, выскочила за старика по расчету.

– Замечательно, – снова не удержалась я. – Вот только я вроде когда-то читала о подобной коллизии.

Лиза закатила глаза.

– Имей терпение. У мужа есть дочь от первого брака, ей четырнадцать. Разница с мачехой не глобальна, и новая супруга пытается наладить отношения с девчонкой. Но не фигушеньки у нее не получается. Дочурка не идет на контакт, подстраивает ей гадости и, в конце концов, выживает мачеху из дома – делает так, чтобы она добровольно умчалась прочь. Круто?

– Супер, – кивнула я. – И что, олигарх не ищет жену?

– Зачем? – пожалала плечами Лиза. – Она ушла, унизила мужа!

Я заморгала, но ответить не успела, дверь в кабинет распахнулась, на пороге возникло существо неопределенного пола, одетое во все черное, с выкрашенными в цвет ночи ногтями и розовой прядью в волосах, колеру которых позавидовала бы любая ворона.

– Больно, – капризно протянуло существо, – вау, дергает.

Лиза вскочила.

– Алиса! Что у тебя во рту?

– Язык, – проныло адское создание, оказавшееся девочкой.

– Я про губу, – уточнила Лизавета.

– Серьга, – простонала Алиса, – мне очень плохо, все расперло и болит.

– Ты сделала пирсинг! – всплеснула руками Ласкина. – С ума сошла! Немедленно прикажу Вадиму отвезти тебя к врачу!

Алиса свалилась на диван.

– Так всегда! Вместо участия и поддержки только приказы! Я страдаю без мамы! А ты! Видишь, как губу раздуло? Мне туда занесли СПИД, сифилис, гепатит и орнитоз.

– Последним болеют только птицы, – влезла я в беседу. – Смело можешь вычеркнуть эту болезнь из списка.

– Ты, блин, ветеринар? – огрызнулась Алиса. – Орнитоз передается человеку!

– Но не через кабинет косметолога, – возразила я, – подцепить болезнь можно, общаясь напрямую с голубями или попугаями. Где ты губу прокалывала? Ведь не в подворотне?

– Именно там, – заявила Алиса, – сбегала к приятелю, ученику парикмахера, он и поста- рался, нет, у меня точно гангрена начинается.

Лиза стала бегать по комнате, вызывать прислугу, хватать многочисленные телефоны. Началось столпотворение. Челядь тащила воду, аспирин, аппарат для измерения давления, термометр, грелку, клизму, звонила в частную «Скорую помощь», искала загранпаспорт Алисы, чтоб та могла отправиться на самолете в Женеву для лечения губы... В конце концов, объект пристального внимания и сверхзабот заорал:

– Пошли все на ...! Хочу умереть дома!

Горничные, мамки, няньки, гувернантка и парочка парней спортивного вида мигом ретировались.

– Полежу тут, – всхлипывала Алиса, – а то папа, когда домой приходит, сначала к Лизке бежит, обо мне хорошо, если к полуночи вспомнит. Вот когда была жива мама, меня любили по-настоящему, а не за деньги, которые отец им платит. А теперь!

Картинно всхлипнув, Алиса прикрыла глаза, Лиза отошла к окну.

– Зачем просить об услуге приятеля, когда можно обратиться в тату-салон? – решила я разрядить обстановку. – Или пойти к косметологу.

Алиса приподняла одно веко.

– Друг мне все сделал бесплатно, мастеру надо отдать деньги, а их у меня нет.

– У тебя не нашлось пары сотен рублей? – недоверчиво спросила я.

– Я хочу сэкономить, – трагическим шепотом произнесла девица. – Отец и так много тратит. Он купил Лизе шубу из снежного барса, пятикартник от Граф и еще кучу всякой всячины. Лизочка, я тебя люблю, обожаю, рада, что мы теперь одна семья, но ведь это все приобретения за одну неделю! Вот дядя Сережа Круглов разорился, а из нашего класса забрали Олю Маркову, ее отец потерял всех клиентов, я переживаю, поэтому решила не тратиться. Вау, губу раздувает! Ну точно скоро отвалится. Только не переносите меня отсюда, хочу, чтобы папочка первым увидел тело умершей дочки!

Завершив выступление, Алиса повернулась лицом к спинке дивана и прошептала:

– Прости, Лиза, что причиняю тебе неудобства, из-за моих похорон тебе не удастся пойти на сейшн к Тузовой, но я просто хотела сбереечь папины деньги. Ничего личного.

Личико Елизаветы вытянулось, на глаза навернулись слезы, мне стало жаль Ласкину, я дернула ее за рукав.

– Алиса права, пошли в другое место. Если человек решил скончаться в одиночестве, нужно уважать его последнее желание.

Девочка села, набрала в грудь воздуха, но я успела вытолкнуть Лизу в коридор и сказала:

– Не стоит беспокоиться. Стоящий одной ногой в могиле человек не устраивает столь масштабный спектакль. Не переживай за Алису, по-моему, твоя падчерица та еще штучка с ручкой.

Лизавета прислонилась к стене.

– Это бумеранг. Все возвращается. Помнишь сюжет моего романа, ну, про мачеху?

Я обрадовалась быстроте, с которой Ласкина выбросила из головы противную Алису.

– Конечно. Пошли в тихое место, продолжим работу.

Ласкина толкнула белую с позолотой дверь.

– Входи, это моя спальня, сюда даже Витя без стука не сунется. Единственное помещение, где можно поговорить спокойно. Та история правда. Ну, про молодую жену отца. Моя мама умерла, когда я была еще школьницей.

– Сочувствую, – сказала я.

– Ерунда, – отмахнулась Лиза, – я совсем ее не помню. Мамахен постоянно болела, лечилась в разных клиниках, со мной практически не общалась. Да ты садись, разговор будет длинный. Хочу тебе все объяснить. Начну с родителей. Папа теперь очень большой бизнесмен, но и он в прежние времена считал рубли.

Глава 3

Константин Ерофеев никогда не был бедняком. В советские годы он заведовал одним из крупнейших столичных универмагов и мог осчастливить любого импортной обувью, одеждой, товарами для дома и прочим дефицитом. Стоит ли удивляться, что Ерофеевы владели четырехкомнатной квартирой, шикарной дачей, личным автомобилем и прочим добром.

Предусмотрительный Константин оформил имущество на свою незамужнюю сестру Анфису, а к той никаких вопросов по поводу жилплощади и машины не возникало. Анфиса работала стоматологом, обладала «золотыми руками», имела в советские годы ампулы «заморозки» и все манипуляции проводила без каких-либо неприятных ощущений для пациента. Коронки от Анфисы носили звезды и правительственные чиновники. Многие, показывая пальцем в потолок, говорили, что и «сам» доверяет Ерофеевой свой рот, но это, конечно, слухи.

Жене Константина не было никакого смысла горбатиться на работе, Карина занималась ребенком. Первые годы Лиза росла под заботливым маминым присмотром, а потом что-то случилось и Карина начала пить. Ерофеев поздно сообразил, что жалобы супруги на головокружение, тошноту, повышенное давление и неполадки с желудком вызваны похмельным синдромом. А когда малоприятная истина открылась мужу, дело зашло слишком далеко. Любой нарколог подтвердит: женский алкоголизм намного злее мужского, он хуже лечится и практически всегда дает рецидив. Жизнь Кары проходила в лечебницах, маленькая Лиза быстро забыла мать, у нее появились няни.

В перестройку Ерофеев моментально почувствовал, откуда ветер дует, втихомолку приватизировал универмаг и стал еще богаче. Необходимость скрываться от ОБХСС² отпала, Константин отгрохал огромный дом, превратил старую дачу в домик для гостей, обзавелся парком автомобилей и отправил Лизавету учиться в частный пансион в Швейцарии. Мать умерла при очередном запое, но Лизочка о ней не плакала. Эта женщина стала ей чужой, никакой любви к Каре дочь не испытывала.

В пансионе девочка жила в крохотной спальне, умывалась холодной водой, ела скудно, носила форму и не имела карманных денег. Только не подумайте, что отец решил помучить ребенка. Напуганный алкоголизмом жены, Ерофеев хотел навсегда выбить из дочери желание прикасаться к спиртному. Учебное заведение со строгими правилами показалось ему наилучшим вариантом для девочки с непростой генетикой.

Швейцарские учителя не поощряли праздность и полагали, что детей нужно держать в черном теле. Выпросить у воспитателя зимой толстое одеяло было столь же невозможно, как вымолить у повара дополнительную порцию супа. «Спите под тонким пледом», – поучали педагоги. «От обильной еды болит желудок», – наставлял главный повар.

Подъем в шесть утра, зарядка, кросс по парку, ледяной душ, скромный завтрак и огромное количество занятий: интеллектуальные предметы чередовались с физической нагрузкой. Когда по английской литературе начали проходить Диккенса, Лиза поняла: она родная сестра Оливера Твиста, только в отличие от него ей удрать из приюта не удастся. Занимаясь в библиотеке, девочка иногда поднимала глаза и видела латинское изречение: «Трудности формируют стойкий характер», в классе на самом виду красовалась другая сентенция: «Дьявол знает, чем заполнить пустую голову ребенка», а столовая была украшена двумя афоризмами: «Голод помогает сосредоточиться» и «Человек зубами роет себе могилу».

² ОБХСС – Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности, структура, которая в СССР занималась экономическими преступлениями.

Едва Лизе исполнилось двенадцать, как ее вернули в Москву. Отец женился во второй раз, его избранницей стала юная Катя Яркина. Когда Лизавета очутилась в родном гнезде, она не сразу смогла справиться со своими чувствами.

Думаю, понятно, почему Лиза пережила по прибытии домой нервный шок. В Москве все было иначе, начиная с мягкой кровати, пухового одеяла, горы сладостей в вазах и заканчивая школой, в которой детей ничего не заставляли делать.

Сначала Лизонька наслаждалась роскошью, потом разозлилась: ну по какой причине ее раньше лишали счастливой, сытой, праздной жизни? А еще девочку бесила Катя.

В первый же день мачеха ввинтилась в спальню к Лизе, без приглашения села на кровать и заявила:

– У нас с тобой менее десяти лет разницы в возрасте, поэтому глупо обращаться ко мне «мама».

– Могу называть тебя «бабуля», – схамила Лиза.

Катя кивнула:

– Понимаю, ты сердисься. Я просто предлагаю дружить. Зови меня по имени.

Лизавета прикинулась дурочкой.

– Тетя Катя?

Мачеха встала и, спокойно пожелав падчерице доброй ночи, ушла. Едва за ней закрылась дверь, Лиза сообразила: вот кто лишил ее детства, а сейчас отнял любовь отца. Ревность не внемлет разуму. Тот, факт что на момент отправки Елизаветы в Швейцарию Ерофеев не был знаком с Катей, не имел ни малейшего значения. Елизавета люто возненавидела юную мачеху и стала копить обиды. Папа звонит Кате по десять раз на дню, а дочери никогда. Константин с женой часто по вечерам уходят в театр или к друзьям, Лизе велят ложиться спать. Катке можно валяться в постели до полудня, а Лизочку выпирают ни свет ни заря в школьный автобус. За столом девочка старательно считала, сколько раз отец улыбнется супруге, а сколько ей. Счет всегда был в пользу Кати.

Мачеха отчаянно пыталась завоевать доверие падчерицы. Она водила Лизоньку по магазинам, осыпала ее подарками, разрешала брать свои драгоценности, пользоваться косметикой. Лизавета живо усвоила: если хочешь устроить дома вечеринку, скажи Кате, она помчится к отцу, и тот позволит табору подростков носиться по особняку. Кто замаял дело, когда Лиза, взяв без разрешения в гараже машину, с ветерком прокатилась по Рублевскому шоссе и попала в милицию? Кто ходил в школу к директрисе и просил забыть о подвигах Лизаветы? Кто вызвал врача, когда Лизонька впервые напилась до свинячьего визга? Кто, в конце концов, отвез на аборт Веру, подругу Лизы, и не выдал тайну девочки ее родителям?..

Ответ всегда один: Катерина.

Вот только Лиза пользовалась мачехой, а относиться к ней по-человечески не собиралась.

– Хитрая твоя Катька, – один раз сказала Вера. – Я свою мачеху живо вон вытолкала.

– Как тебе это удалось? – заинтересовалась Лиза.

Вера провела курс молодого бойца.

– При отце я ей улыбалась и приседала. Как только папа уезжал, сразу говорила гадости. Танька дура, она сразу принималась ему звонить и жаловаться. Папендель в хату припрет, я снова сю-сю, му-сю. Ну и выгнал он кретинку. Поверь: это самый верный способ! У меня уже шестая мамуля! И мой способ безотказно срабатывает.

Лиза переняла опыт лучшей подруги, но Катя ни словом не обмолвилась Константину о хамстве дочери.

– Ну хитрованка! – возмущалась Вера. – С такой нелегко бороться, но можно. Дождись момента, когда ее на тусовку позовут, и испорти Катке внешний вид, вроде случайно кофей на прическу пролей.

Лиза восхитилась фантазией Веры и решила воплотить ее в жизнь. Долго томиться в ожидании не пришлось. В субботу Катюша, уложив волосы, села за стол, чтобы перед вечеринкой легко поужинать. Падчерица понесла от кофемашины полную чашку, споткнулась, кофе очутился на голове мачехи.

– Ой, ой, – фальшиво запричитала хулиганка, – я зацепилась о ковер! Нечаянно!

– Ничего, – дрожащим голосом ответила Катерина, – сейчас под душ встану, поеду в гости с конским хвостом.

Когда Катюша ушла, Лиза показала ей вслед язык и услышала слова горничной Жени Матихиной:

– Как тебе не стыдно! Прекрати издеваться над Катей.

– Заткнись, – топнула ногой Лиза.

– Отвратительно себя ведешь, – заявила прислуга, – на ремень напрашиваешься.

– Еще слово вякни и останешься без работы, – завизжала Лизавета, – ты веник, вот и не лезь к хозяевам.

Женя цокнула языком.

– Знаешь, кто тебя из швейцарской тюрьмы вызволил? Катя. Она Константину заявила: «Нехорошо девочку родительской ласки лишать, верни дочь в Москву». А ведь могла навсегда запереть тебя за границей. Катерина добрая, хорошая, умная.

– Голодранка, – фыркнула Лиза, – замуж вышла от бедности, теперь тратит чужие деньги и рада.

– Дурочка ты, – не выдержала Женя.

– Значит, Катька святая, а я идиотка? – набычилась девочка.

Горничная опустила глаза и промолчала. Хорошо, что в этот момент к Лизе пришла подруга Соня и беседа с Матихиной была забыта.

Сонечка Лузгина дружила с Лизой с пеленок, более того, девочек вместе отправили в Швейцарию, в пансионат. Богатый папа Софьи был солидарен в вопросах воспитания с отцом Лизы.

Сколько раз девочки рыдали в иностранной школе, сколько раз их наказывали за строптивость и неповиновение местным порядкам! Сонечка всегда поддерживала Лизу, она была тихой, скромной, но принимала участие во всех безобразиях, придуманных чересчур бойкой Лизаветой. За долгие годы дружбы Соня стала для Лизы как сестра. И, слегка повзрослев, начала одергивать Елизавету. Ерофеев считал, что подруга очень благотворно влияет на его дочь и, в свою очередь, относился к Соне как к племяннице.

Но иногда способность здраво рассуждать покидала и Софью.

– Наверное, Катя твоего папу приворожила, – сказала как-то раз Лизе лучшая подруга, – напоила Константина Львовича особой настойкой или подарила ему заговоренный талисман.

– Часы! – подпрыгнула Лиза. – Он с ними не расстанется.

– Надо их выкинуть! – загорелась Соня.

Елизавете удалось стянуть брегет и зарыть в самом дальнем углу сада. В краже обвинили молоденькую девчонку, недавно взятую в дом в качестве помощницы горничной. Ее с позором выгнали вон. Лиза, мечтающая справиться с Катей, испортила жизнь другому человеку: о такой ерунде, как прислуга, Ерофеева не задумывалась.

Отец, покрячав некоторое время, поехал в Столешников переулок и приобрел новые часы, вот только Катюшу он любить не перестал. У Лизаветы от злости сводило судорогой ноги. Один раз ей приснился сон: отец и мачеха справляют пятидесятилетие свадьбы, они не изменились внешне, Константин не поседел и не согнулся от возраста, Катюша не обзавелась морщинами и не лишилась лучезарной улыбки. Ерофеевых завалили подарками, а тамада сказал:

– Чудесную пару хочет поздравить Лизочка.

И в центре зала появилась ужасная старуха с горбом.

На этом месте Лизавета проснулась и опрометью бросилась к зеркалу, настолько реальным было сновидение. Когда в стекле отразилось лицо подростка, Лиза перевела дух, но впечатление от кошмара было мощным и Лиза рассказала обо всем Соне.

Лучшая подруга озабоченно сказала:

– Сегодня конец рабочей недели, завтра суббота.

– Ну и что? – удивилась Лизавета.

– Сны с четверга на пятницу всегда сбываются, – заявила Софья. – Они вещие.

– Врешь, – посерела Лиза.

– Нет, – замотала головой Соня, – пройдет месяц, и все сбудется.

В Елизавете проснулось благоразумие.

– Золотую свадьбу справляют через пятьдесят лет совместной жизни.

– Ты не умеешь толковать сны, – не успокоилась подруга и пошла к полкам. – Ну-ка, почитаем сонник. Вот, слушай: «Если вам привиделось собственное лицо в старости, значит, вы стали объектом колдовства. Кто-то высасывает ваше здоровье и энергию. Немедленно примите меры, иначе очутитесь на больничной койке».

– Что делать? – прошептала Лиза, которой вид старинной книги в кожаном переплете внушил уважение.

– Надо подумать, – протянула Соня.

Вечером, около одиннадцати, лучшая подруга позвонила Лизавете.

– Выйди в сад, – велела она, – да прихвати сто баксов.

Просьба не удивила: девочки жили в бывшем дачном месте, которое постепенно превратилось в шикарный поселок, общаться они могли в любое время.

– Хочешь навсегда избавиться от Катьки? – прошипела Соня, увидев Ерофееву.

– Спрашиваешь! – подпрыгнула Лиза.

– Тогда слушай меня, – приказала загадочная подруга.

В паре Софья – Лизавета первая постепенно из аутсайдера стала лидером, к тому же Сонечка была старше Лизы, и хотя всего-то на полгода, но когда вы находитесь в подростковом возрасте, это принципиально. Ерофеева после возвращения в Москву всегда шла на поводу у Лузиной. Тот вечер не стал исключением. Подруги устроились в беседке, которую Константин соорудил в самом конце громадного сада, и Соня изложила свой план.

Лизе предписывалось срочно помириться с Катей, пойти к ней, покаяться, посетовать на собственную глупость и вздорность, с чувством воскликнуть: «Прости, Катюша, я вела себя отвратительно, сейчас поумнела и поняла, как мне с тобой повезло».

Услышав этот совет, Елизавета возмутилась.

– Никогда! Срать с ней на одном гектаре не сяду, не то что в ноги кланяться.

– Ты не умеешь рассчитывать все на шаг вперед, – укорила ее Соня, – это только для отвода глаз. Потерпи месячишко, Катька уйдет навсегда.

– С чего бы это? – вздохнула Лиза.

– Ща узнаешь, – закатила глаза Соня. – Сто баксов взяла?

– Да, а зачем они? – только сейчас догадалась поинтересоваться Лиза.

Соня понизила голос до еле слышного шепота.

– В Кокошино живет колдунья, она умеет людей со свету сживать. Идти к ней надо сейчас, тут недалеко, через лесочек, я дорогу знаю, двигаем!

Лизавете стало страшно, но разве она могла показать при Соне свою трусость?

Девочки взяли за руки и поспешили по едва заметной тропочке. Соня не обманула, она действительно привела Лизочку к деревенской покосившейся избушке.

Ведьма оказалась нестарой женщиной, никаких сушеных жаб или дохлых мышей по стенам не висело, лишь в одном углу темнели иконы. Ритуал заклинания на гроб не произвел на

Лизу особого впечатления. Тетка сначала сожгла в печке какую-то вонючую травку, прошептала несколько слов, взяла золу, насыпала в кулечек и велела Лизе:

– Натруси у нее под окном.

– На улице? – уточнила девочка.

– Ты хочешь беду вон увести, – объяснила ведьма, – поэтому постели дорожку.

Лиза взяла бумажный фунтик, отдал взамен сто долларов, тщательно вытряхнула серый порошок туда, куда велела знахарка, и начала ждать эффекта.

Следующий месяц Лизавета старательно изображала раскаянье и стихийно возникшую дружбу к мачехе. Катя выглядела счастливой, она устроила внимание к дочери мужа и постоянно говорила Константину:

– Вот видишь! Лизочка просто росла, это болезненный процесс, главное для родителей не ругаться с ребенком.

– Какая ты у меня умная, – восхищался Ерофеев.

– Нет, – отвечала Катя, – просто я помню, каково мне приходилось в ее возрасте.

У Лизаветы от вида всем довольной мачехи ныли зубы и сводило судорогой не только ноги, но и живот.

– Больше не могу, – пожаловалась она Соне.

– Терпи, – приказала Лузгина, – скоро сработает.

Лизавета стиснула зубы и спустя месяц вдруг поняла, что ненависть к Кате начинает затихать. Более того, Лизе стали нравиться совместные походы по магазинам и салонам красоты. В отличие от Сони Катюша никогда не критиковала Лизочку, не заявляла, как Лузгина при виде платья, отобранного подружкой:

– Отстой! В таком дерьме даже лошадь на сейшен не пойдет.

Катя всегда одобряла падчерицу и скрывала от Кости не только расходы дочери, но и ее прогулы школьных занятий.

– Девятый класс не важный, – заговорщицки говорила мачеха, – в десятом начнешь заниматься с репетиторами и сдашь экзамены. У тебя еще есть время.

У Лизы и мачехи появились общие секреты, маленькие тайны, нашлись темы для разговоров. Катя стала вытеснять Соню из жизни падчерицы. Но Лизавета не успела полностью осознать метаморфозу.

В конце октября Катя исчезла.

Тридцатого числа, около семи вечера, у Лизы собрались друзья, несколько мальчиков, Олеся Рыбина, Нателла Саркисян, Роза Барбатова и, конечно, Соня.

Константин Львович уехал в командировку, вернуться ему предстояло тридцать первого рано утром. Катя читала в своей комнате. Лиза ощущала себя полноправной владелицей особняка и решила закатить вечеринку.

Сначала они посмотрели кино, потом Роза предложила пойти к ней в дом, пообещала:

– Никита сделает нам коктейли.

Старший брат Барбатовой не подвел, намешал девчонкам ядерную смесь из разного алкоголя, Лиза сразу опьянела, что было дальше, помнила смутно. Поскольку вечеринку затеяли по поводу Хеллоуина, все переоделись в костюмы. Олеся предстала Золушкой, Саркисян натянула черный костюм скелета с нарисованными костями, Соня нарядилась вампиром, Лиза – женщиной-кошкой.

Правда, над костюмом Ерофеевой друзья от души потешались. Лизавете требовалось натянуть на голову плотно прилегающую шапочку-маску из черной прорезиненной ткани. Но Лизочке от матери досталась огромная копна мелко вьющихся волос, которые сопротивлялись укладке. Ни гели, ни лаки, ни пенки, ни раскаленные щипцы-утюги не могли справиться с буйными локонами. После долгих мучений кудри на полчаса принимали относительно гладкий вид, но потом вновь сворачивались пружинами, их не удерживали ни махрушки, ни «крабы»,

ни шпильки с невидимками. К тому же волосы имели ярко-рыжий цвет. Лиза много раз просила парикмахеров постричь ее как можно короче, но те в один голос отвечали:

– Этого нельзя делать, наоборот, кудри лучше отрастить подлиннее. Если вас обкромсать, вы станете похожи на стог сена, через который пропустили электроток.

Ясное дело, головной убор женщины-кошки не смог спрятать охапку волос.

– Это женщина-кошка, которая упала с трамвая и тормозила головой, – заржала Олеся.

Лиза чуть не заревела от обиды. Положение, как всегда, спасла Соня, она замотала шею лучшей подруги розовым шарфом и объявила:

– Знакомьтесь, Барби в черном!

– Прикольнo! – заорали все.

Лизе на секунду стало неприятно, ну почему Соня всегда так удачно выпутывается из любой неудачи? Но некомфортное ощущение быстро ушло, Никита устроил в доме собственный праздник, обе компании подвыпившей молодежи слились в одну и отправились бродить по поселку, стучали к соседям, пели песни, получали за выступление конфеты.

Глава 4

Хеллоуин не тот праздник, который справляют люди, перешагнувшие за тридцать. Но большинство взрослых обитателей поселка не имело ничего против веселья и даже охотно принимало в нем участие. Отец Рыбиной, нахлобучив на голову парик жены, сплясал нечто, напоминающее африканский танец, а родители Барбатовой хором исполнили песню, слов которой не понял никто. Предки Розы на чистом глазу заявили:

– Мы пели на японском, – и им поверили.

В каждом доме ребят угощали, давали фрукты, конфеты, ясное дело, спиртного не подносили. Но мальчишки из компании Никиты прихватили с собой пару бутылок из хозяйского бара. Спустя некоторое время Лизавета стала засыпать на ходу, больше она ничего не помнила.

Утро ознаменовалось жутчайшим похмельем. Как она очутилась в собственной кровати, заботливо одетая во фланелевую пижаму, девочка не знала. К обеду гуляка очнулась, выползла в столовую и испуганно спросила у горничной Марины:

– Где папа?

– В семь утра из командировки приехал, а сейчас на работу отправился, – почтительно ответила женщина.

– А Катя? – встрепенулась Лиза, у которой отлегло на душе.

Слава богу, отец не узнал о том, в каком состоянии была вчера дочурка.

– Еще не выходила из спальни, – со странным выражением лица сообщила Марина.

Елизавета отправилась к мачехе и удивилась. Катюши не оказалось на месте, кровать не тронута, ванной явно не пользовались. Вещей мачехи не осталось: ни кремов, ни косметики. Лиза забеспокоилась и начала пытаться Марину, в конце концов та раскололась.

– Елизавета Константиновна, скажу правду, вы только отцу меня не выдавайте, он строго приказал вам ничего не сообщать. Катя вчера покинула дом и не вернулась.

Лизе стало дурно.

– Ушла?

Марина опустила глаза в пол.

– Вечером к вам гости заявились, в девять мы с работы ушли, хозяйка у себя книжку читала, а сегодня ее нет.

– Что случилось? – недоумевала Лизавета.

– Не знаю, – развела руками прислуга.

– А папа? – не успокаивалась Лиза. – Он как на это отреагировал?

Марина переступила с ноги на ногу:

– Ну... вещи ее сам на помойку выбросил, выволок то, что увидел, велел мебель сжечь из комнаты... сказал: «О Катьке больше ни слова, она для меня умерла».

Лизавета с трудом дождалась вечера, даже выбежала встречать отца в прихожую.

Константин выглядел спокойным, на дочь не злился, вероятно, не знал, в каком виде ее вчера доставили домой. Но едва девочка завела речь о мачехе, лицо его окаменело и Ерофеев заявил:

– Ты уже взрослая, поэтому скажу: Катерина совершила подлый поступок. Ее здесь больше не будет, я был крайне наивен, не замечал очевидного. Убедительно тебя прошу: никогда не заговаривай о ней в моем присутствии. Давай условимся: Екатерина умерла. Баста.

Лизавете оставалось лишь растерянно моргать. Ну неужели подействовал серый порошок, насыпанный под окном мачехи?

Константин Львович сделал вид, что никогда не был женат на Катерине. На следующее утро из дома унесли оставшиеся вещи и украшения Кати, муж выкинул статуэтки, картины,

ковры – все, что приобретали супруги совместно. Спальню Катерины отремонтировали, переклеили в ней обои и даже сменили паркет.

Лиза пребывала в недоумении. Куда подевалась мачеха? Она ушла в домашнем халате и атласных домашних туфлях. «Порше» мачехи остался в гараже, она даже не взяла сумочку.

Заинтригованная Лиза осторожно расспросила охрану поселка, поболтала с соседями и узнала: Катерина за ворота не высывалась и ни к кому в гости не забредала.

– Так не бывает, – сказала Лиза Соне, – человек не может испариться.

– Это колдовство, – напомнила Сонечка, – ведьма не зря деньги берет. Она Катерину прочь увела, а твоему папе приказала о жене забыть. Чем ты недовольна? Сбылась твоя мечта.

Лиза кивнула, она не могла сказать подруге, что за последнее время подружилась с Катей и теперь одинока.

С уходом Катерины в доме Ерофеевых стало мрачно, Константин теперь не приезжал домой к ужину, предпочитал сидеть в офисе допоздна, он стал чаще ездить в заграничные командировки. Лиза окончила школу, уехала в Лондон, поступила там в колледж, получила диплом, вернулась в Москву и вышла замуж за Виктора. Судьба сыграла с Ерофеевой злую шутку. Ласкин оказался вдовцом с дочерью-подростком.

Накануне свадьбы Лизочка сказала Алисе:

– У нас небольшая разница в возрасте, глупо просить тебя звать меня «мама», обращайся ко мне просто по имени и давай дружить.

Алиса, ничего не ответив, убежала, показав будущей «маме» язык, а Лиза сообразила: бумеранг вернулся. Именно так она повела себя с Катюшей, когда та искренне протянула падчерице руку дружбы.

Лизавета замолчала, в комнате повисло вязкое, словно кисель, молчание.

Я не выдержала и спросила:

– Катерина так и не появлялась?

– Нет, – тихо произнесла Лиза.

– Ни разу не попыталась с вами связаться?

– Она мне звонила, – нехотя сообщила собеседница.

– Когда? – поинтересовалась я.

– Через пару дней после своего ухода, – пояснила Лиза, – где-то в семь утра. Я спросонок не сразу поняла, кто это, а потом слышу шепоток: «Лиза, Лиза, ты меня ненавидела. За что? Я проклинаяю тебя! На всю жизнь! Пусть счастье никогда не придет в твой дом! Пусть тебя гложет тоска! Пусть тебе сторицей вернутся мои слезы».

Я поежилась.

– Неприятно.

– Ага, – согласилась Лиза, – ужасно! Я ничего ей в ответ сказать не успела.

Я проявила совсем уж неприличное любопытство:

– Ты рассказала о звонке отцу?

– Нет, – после затянувшейся паузы ответила Лиза, – пришлось бы выложить ему правду про ведьму. Вот Соне я моментально сообщила. Та велела не нервничать, пообещала сходить к колдунье и выяснить, что делают в подобных случаях.

– Подруга не подвела? – не успокаивалась я.

Елизавета легла на кровать.

– Нет. Ведьма прислала траву, ее следовало заварить как чай и выпить, еще она приказала: «Следующую жену отца не третируй, люби ее больше себя, зло рождает зло!» Что-то мне плохо, желудок болит, озноб пробирает.

– Ты, похоже, заболела, – встревожилась я, – гриппом или простудой.

Лиза села, подтянула к подбородку ноги и обхватила колени руками.

– Вероятно. Знаешь, проклятие работает. Алиса меня не выносит. Лишь сейчас я поняла, каково приходилось бедной Кате. У моей мачехи было уникальное терпение, и, что совсем ужасно, теперь я поняла: она меня искренне любила! Получается, я выперла вон единственного человека, который испытывал ко мне доброе чувство.

Я решила приободрить павшую духом Лизу:

– Не стоит впадать в уныние. У тебя есть отец, муж, подруги.

Лиза натянула на плечи атласное покрывало.

– Папа снова женился, подруга у меня одна, Витя, конечно, славный, но он меня всерьез не принимает, Алиса... Ты сама видела! Такие концерты у нас бывают по пять раз на день.

– А с новой мачехой у тебя какие отношения? – Я решила отвлечь Лизу от грустных мыслей.

Ласкина улыбнулась.

– Я уже не четырнадцатилетний подросток, и мы чудесно общаемся. Но от этого мне не делается лучше, поэтому я и решила написать книгу.

– При чем тут книга? – не поняла я.

Лиза встала, подошла к зеркалу и поправила прическу.

– Я ходила на прием к психотерапевту. Меня замучили бессонница, головокружения, постоянно хочется плакать. Душевед посоветовал излить проблему на бумаге, пообещал, что, если я выплесну эмоции, они утихнут. Но зачем зря стараться? Издам книгу, стану писательницей, утру нос этим Моралли и прочим! Давай работать! Чего стоишь?

Я молча устроилась за столом и начала писать под диктовку Ласкиной. Пару минут назад Лиза разговаривала как нормальная женщина, а сейчас вновь превратилась в капризную блондинку. Вероятно, в глубине души она по-прежнему подросток, остро ощущающий свое одиночество и ненужность, отчаянно желающий любви. После недавнего разговора у меня сложилось твердое мнение: Лиза не пылает страстью к Виктору, замуж она вышла потому, что так решил отец.

Некоторые девочки бегут в загс, едва справив восемнадцатилетие, дурочки опасаются клейма «старая дева». Ладно, хватит отвлекаться, надо набросать новый план романа. Но вдохновение не спешило.

– Я жутко устала, – скорчила гримасу Лиза, – хочу отдохнуть!

– Так и время позднее, – согласилась я. – Мне тоже пора домой.

Сегодня, после нескольких дней перетаскивания вещей, нам с Шумаковым впервые предстояло ночевать на новом месте. Мы договорились встретиться с ним у подъезда, никто не хотел один перешагивать порог квартиры, где нам предстояло совместно жить. Я полагала, что церемонию торжественного открытия пентхауса следует проводить в компании с любимым человеком. Вот почему мы ровно в десять вечера вошли в подъезд и подошли к лифту.

Если быть честной, то помещение на последнем этаже новостройки нельзя назвать пентхаусом. Это четырехкомнатные апартаменты, которые имеют выход на крышу, где я устроила небольшую веранду. Лучше не рассказывать, сколько инстанций мне пришлось обежать, чтобы получить разрешение поставить на крыше, на свежем воздухе, несколько пластиковых стульев и крохотный столик! Зато можно будет отвечать на вопрос журналистов: «Арина, вы обитаете в столице или перебрались по примеру многих в Подмосковье?» – «У меня пентхаус, каждый день я люблю панорамой столицы», – не упоминая о том, что в роскошном доме нет пока ни кровати, ни дивана, ни кресел.

Похоже, сегодня нам придется спать на картонке, постеленной на полу.

Мы подошли к стальной двери, я воткнула ключ в замочную скважину.

– Стой, – скомандовал Юра.

– Что-то не так? – насторожилась я.

- Юрик быстро расстегнул спортивную сумку и начал рыться внутри, приговаривая:
- Эй, куда ты подевался?
 - С носком беседеешь? – хихикнула я, – скажи наркотикам «нет», давай входим.
 - Погоди, – не согласился Юра. – О, привет!
 - Добрый вечер, – вежливо ответила я, – только мы уже здоровались.
 - Я сейчас вот с ней разговариваю, – уточнил Шумаков и вытащил на свет божий маленькое черное существо с длинным хвостом. – Первой в дом впускают кошку. Однозначно.
 - Ты купил кота? Почему со мной не посоветовался? – обиделась я.
 - Увидел случайно, когда сюда ехал, – пояснил Юрик, – он сидел у подъезда, там типа сад-палисадник – крохотный парк.
 - Он больше похож на белку, – уточнила я.
 - Белки рыжие или серые, – не отступил Шумаков, – посмотри внимательно: уши, морда, четыре лапы, хвост. Типичная кошатина.
 - Две руки, две ноги, голова, выразительные глаза и улыбка, это кто?
 - Ты! – мигом ответил Юра.
 - Нет, – засмеялась я. – Обезьяна. Так вот, твоя находка смахивает на кота, как я на маргышку!
 - Нельзя отрицать, что между тобой и приматом есть пугающее сходство, – заявил Шумаков. – Перестань вредничать, пусть киса перешагнет через порог.
- Я с опаской взяла из рук Юры небольшого зверька, покрытого короткой блестящей шерстью, и поставила его на пол со словами:
- Добро пожаловать.
- Зверек побежал внутрь, мы с Шумаковым вошли в прихожую, и я сообразила: повесить верхнюю одежду некуда, а положить сумку не на что. Хорошо хоть чай мы не будем пить, сидя на полу по-восточному: в кухне мебель есть. Зато мне не придется готовить, потому что в квартире совсем нет продуктов, а поскольку плита отсутствует, нет никакой необходимости делать котлеты, их не на чем пожарить, да и нарубить фарш без мясорубки проблематично.
- Из кармана Юриного пуховика послышалось характерное попискивание, его сотовый сообщал о получении эсэмэс. Шумаков быстро вынул трубку и воскликнул:
- Сюда едет Алеша Просторный, хочет поздравить нас с новосельем.
- Одно из правил счастливой семейной жизни гласит: «Если ты намерена жить с любимым без скандалов, никогда не лишай его общения с приятелями». Я изобразила на лице радость.
- Здорово!
 - Сделай одолжение, – чуть смущенно попросил Юрик, – спустись в супермаркет, купи чего-нибудь к ужину.
- Я кивнула и поспешила в расположенный по соседству магазин.
- Чем можно угостить совершенно незнакомого человека, если в вашей квартире нет плиты? Долго думать над ответом не пришлось, я зарулила в гастрономический отдел и принялась изучать прилавки с сырами. «Маасдам с мягкой корочкой», «Раклет», «Грюйер второго сорта», «Каркатун с яблоками».
- Порой мне кажется, что в советские времена было легче, зайдешь в магазин, а там один «Российский», ясное дело, хватаешь сколько дадут и несешься домой счастливая. А сейчас я частенько ощущаю себя идиоткой, да еще некоторые продавцы так снисходительно общаются с покупателями, что уходишь из магазина с полным убеждением: «Нет, Вилка, ты не просто идиотка, ты мегакретинка, не способная отличить кусок мяса от шоколадки». Наверное, поэтому мне всегда трудно спрашивать у девушки по ту сторону гастрономической баррикады, в чем разница между карпаччо и гаспаччо и вообще, кто они такие? Но сейчас у весов скучал парень, и я решила осведомиться:
- Скажите, «Раклет», он...

Молодой человек не дал мне договорить, скривил угол рта и, заговорщицки понизив голос, протянул:

– Не советую. Ваше фондю³ превратится в гротеск, извратится по виду и не принесет удовольствия. Этот «Раклет» не айс!

Я приняла озабоченный вид.

– Гран мерси! То, что не айс, безобразие, а как насчет «Маасдама»?

Юноша приподнял бровь:

– Он с мягкой корочкой.

– О... о... о... – протянула я.

– Мягкая корочка, это не жесткая корочка, – продолжал продавец.

– Конечно, конечно, – поспешила согласиться я, – вы абсолютно правы.

– Мягкая корочка даже не полутвердая корочка, – выводил соловьем паренек, – и уж совсем трудно назвать ее белой корочкой, потому что она коричневая.

Я сглотнула слюну.

– Извините, воск, в который упакована головка, вроде синий, а не цвета шоколада.

Продавец скрестил руки на груди.

– Абсолютно верно, синяя коричневость.

Я растерялась.

– Право, боюсь спросить про «Грюйер второго сорта!»

– Конечно, – возбудился юноша, – он именно второго сорта!

Я почувствовала себя увереннее:

– Второй сорт не первый!

– Естественно, и не экстра, – подхватил консультант, – не советую выбирать «Грюйер» такой зрелости. Он должен быть помоложе, молодой сыр лучше пожилого.

Вот с последней сентенцией не поспоришь. Я абсолютно уверена, что ее можно адресовать и мне, ну например: «Юная Вилка лучше пожилой Виолы!»

³ *Фондю* – название блюда. На стол ставится специальная открытая кастрюля с горелкой, в ней булькает расплавленный сыр, в который гости при помощи длинных вилок опускают кусочки хлеба, мяса, овощей, колбасы, сосисок и др.

Глава 5

– «Каркатун с яблоками» это просто каркатун с яблоками? – продолжила я познавательную беседу.

– Ничего особенного, – нехотя сказал доброе слово о продукте паренек, – можете взять, цены у нас умеренные, мы их не задираем, затариваемся сырами напрямую у изготовителя.

Я посмотрела на ценник. Пятьсот рублей за килограмм! На мой взгляд, дороговато, но один раз, в день въезда в новую, так долго ремонтируемую квартиру можно позволить себе такой расход.

– Нарезьте полкило, – решила я, – но только не очень тонкими ломтиками.

– Осталось всего ничего, – удрученно ответил продавец и ткнул пальцем в крохотный сверток размером со спичечную коробку. – Четыреста семьдесят рублей. Даже на сто граммчиков не тянет.

Я едва удержала удивленный возглас. Пятьсот целковых надо отдать за сто граммов? Из чего сделан сыр? Даже за райские яблоки запросят меньше.

– Берете? – с томным видом поинтересовался торговец.

– Слишком маленькая порция, – небрежно заявила я. – Да! Чуть не забыла! У меня сейчас ремонт, в квартире гастарбайтеры! Им тоже небось есть охота. Найдите недорогой сыр, ну не «Каркатуном» же их кормить!

Как я и ожидала, парень продемонстрировал крайний снобизм.

– Не поймут они нормальной еды, вон там, в самом углу, лежит «Вкусный», возьмите, пусть будут счастливы, что хозяйка попалась щедрая.

На секунду меня охватило негодование. Парень за прилавком сильно «акает», он явно рос в Москве, но разве в том его заслуга? Мы не выбираем, где и у кого родиться. Чем молодой человек из Украины, Молдавии, Туркмении или какого-нибудь российского села хуже этого сыроторговца? Ему просто повезло появиться на свет в столице России. Честный, работающий, талантливый человек везде такой, а негодяй, мерзавец или просто чванливый урод останется уродом в любом месте от Нью-Йорка до Чукотки. Я уже приоткрыла рот, но вовремя прикусила язык и уткнулась носом в витрину. Сама виновата, постеснялась признаться этому снобу, что намерена купить сыр по божеской цене, вот и получила достойный ответ.

– Левее гляньте, – подсказал продавец.

Я посмотрела на ценник. «Вкусный», 45 %-ной жирности, из коровьего молока, б/у». Две буквы, разделенные черточкой, меня удивили. Бывший в употреблении?

– Извините, – проблеяла я, – вы продаете сыр, который уже кто-то один раз съел?

Парень отпрянул к стойке с колбасами.

– Ну и глупости приходят покупателям в голову! Как можно слопать еду дважды? Это же не платье, которое в химчистку сдают!

– Вот-вот, – подхватила я, – а в витрине написано «б/у».

– Ну да, – не понял торгаш, – верно, б/у. И что?

– Бывший в употреблении, – расшифровала я аббревиатуру. – Как иначе?

Продавец постоял некоторое время молча, затем ехидно ответил:

– Тетя, б/у – это бумажная упаковка. Типа совсем дешевое барахло, его жаль в воск запихивать. Уж, простите, я доступно объясняю. Вы врубались?

– Врубилась, – закивала я, – пожалуй, лучше взять колбаски.

– Мудрое решение, – поддержал меня юноша.

Я бочком начала продвигаться в сторону больших холодильников, где лежала в вакуумных упаковках всевозможная нарезка. А ведь совсем недавно я потешалась над мужем одной из своих подруг Владиком Головачевым. Парень принадлежит к той счастливой категории муж-

чин, которые, отдав жене большую часть зарплаты и припрятав совсем немного себе на мелкие радости, не задумываются ни о каких домашних делах. В холодильнике, как по мановению волшебной палочки, появляется вкусная еда, рубашки стираются и гладятся сами собой, собака выгуливается, дети прилежно учатся в школе. Нет, в глубине души Владик подозревал, что хозяйством крепкой рукой руководит его жена Лена, но предпочитал ни во что не вникать. Вечером приходил домой, съедал вкусный ужин, возился с псом, целовал на ночь сына с дочкой и мирно валялся на диване у телика. Жизнь казалась ему прекрасной до тех пор, пока не заболела теща. Лена вся в слезах, прихватив детей, уехала в город Новополюск. Владик остался с пуделем Чарликом.

Первую неделю Головачев не испытывал никаких трудностей: он ел приготовленные впрок заботливой женошкой блюда и, в конце концов, опустошил холодильник. Теща слегла надолго, беспокоить супругу в тяжелый момент муж не хотел. Владик любит Лену, он решил бороться с трудностями в одиночку. Вспомнив о студенческих временах, он пошел в ближайший магазин и купил банки с тушенкой. Там же он приобрел консервы для Чарлика и ничтоже сумняшеся вспорол вечером две жестянки. Содержимое одной отправилось в миску к пуделю, а из второй Владик намеревался полакомиться сам.

Увы, тушенка разочаровала Головачева: комкастая какая-то, пахнет странно. Она совсем не походила на тот продукт, который Владик употреблял, живя в общежитии. Вот Чарлик был доволен, он мигом истребил харч и выпросил у хозяина добавку. Следующие две недели до возвращения Лены Владик давился малосъедобной тушенкой. К сожалению, он купил много банок, а выбросить их мешала простая человеческая жадность. Когда жена увидела в ведре пустые жестянки, она спросила:

– Кто это ел?

– Мы с Чарликом, – грустно ответил муж, – его корм с синей этикеткой, а мой с красной.

– Вкусно? – прищурилась Лена.

– Отвратительно, – признался супруг, – нынче тушенка не та, что раньше!

– Милый, – нежно протянула вторая половина, – я давно тебе твержу: учи английский, в жизни пригодится.

– При чем тут английский? – разозлился Головачев.

– А при том! Владея им, ты бы прочитал, что на твоей тушенке написано «Диетический корм для старых собак», – ответила Лена и заржала в голос.

Владик от полнейшей растерянности спросил:

– Почему для пожилых-то?

– Так на этикетке указано, – давась смехом, пояснила жена, – думаешь, лакомые кусочки для щенков тебе понравились бы больше?

– Продащица, дура, перепутала! – осенило Головачева. – Дала мне не «человеческие» консервы, а жрачку для полканов!

– Угу, – согласилась Лена и снова сложилась пополам.

Владик до сих пор не владеет языком Шекспира и категорически отказывается отпускать Ленку к матери. Моя подруга по секрету разболтала о казусе всем приятелям, и народ, при встрече с Головачевым, начал с самым серьезным видом интересоваться, не болит ли у Владика на перемену погоды хвост, как обстоят дела с шерстью и какой поводок он предпочитает для прогулок: кожаный или из тесьмы. Я была в числе тех, кто зубоскалил больше всех. Надеюсь, ни Владик, ни Ленка никогда не узнают, как я хотела приобрести бывший в употреблении сыр.

Через полчаса я с туго набитым пакетом вернулась домой и спросила у Юры:

– Ну и где Алексей?

– В спальне, – потер руки Шумаков, – пошли, познакомлю.

– Может, мне стоит напудрить носик? – шепотом поинтересовалась я.

– Не-а, – засмеялся Юра, – двигай так, выглядишь шикарно.

Я не успела возразить, как Шумаков схватил меня за плечи и впихнул в комнату, где мы планировали устроить опочивальню.

Посреди пустого помещения громоздилось ложе на резных деревянных ножках, с кисейным пологом и необъятным матрасом. Я совершенно не ожидала увидеть ничего подобного, поэтому в первый момент ойкнула, а потом пролепетала:

– Это что?

– Ну ты даешь! – удивился Юра. – Кровать!

– Откуда? – не успокаивалась я.

– Из магазина, – гордо возвестил Шумаков. – Хотел сделать тебе сюрприз. Ты полагала, что нам предстоит еще не один месяц спать на полу, ан нет, получите Алешу Просторного.

Я начала озираться.

– Где же он?

– Кто? – заморгал Юра.

– Твой друг, Алексей, – уточнила я.

Шумаков с удивлением спросил:

– Ты что, не видишь?

Мне надоела дурацкая ситуация.

– Леша решил пошутить и залез под кровать?

Юра захохотал:

– Нет! Мебель так называется.

– Кровать «Алеша Просторный»? – не поверила я.

– Ага, – кивнул Юрик, – российского производства. Хотя, если честно, деревянные части приехали из Италии, матрас американский, а вот собрали «Алешу» в Москве.

– Занятно, – вздохнула я, – ты отослал меня в магазин, чтобы это «просторное» ложе внесли в квартиру? А какие еще в магазине были кровати?

– Не помню, – надулся Шумаков.

Я вспомнила очередное золотое правило счастливой семейной жизни: если любимый купил в дом некую вещь, хвали и его приобретение.

– Солнышко! Какая прелесть!

– Тебе правда нравится? – с недоверием поинтересовался Юрик. – А мне показалось, ты недовольна.

Я решила добавить восторга:

– Восхитительно! Невероятно! Красота!

Юра сложил брови домиком, а я продолжала петь осанну его приобретению:

– Нет слов. Сама бы такую купила!

Лицо Юры посветлело.

– Да ну?

– Конечно! – горячо заверила я и в порыве вдохновения прибавила: – Дас ист фантастиш!

Юра почесал в затылке.

– Можем ее испробовать.

В голове всплыло очередное правило: если Он предлагает, Она никогда не должна отказываться.

– Ты еще не знаешь основной феньки, – сказал Шумаков, – а ну, ложись!

Мы сбросили одежду и устроились на ложе.

– Какой ты молодец, – на этот раз абсолютно искренне сказала я, – ничего не забыл, ни подушки, ни одеяла, ни постельного белья.

– Я дико предусмотрительный, – не упустил шанса похвастаться Шумаков, – но лежи молча. Чувствуешь?

– Что? – заморгала я.

– Сейчас скорость прибавлю, – пообещал Шумаков.

Я удивилась, может, мой любимый уснул и ему грезится болид, в котором он гордо восседает на водительском месте?

По матрасу словно волна пробежала. Мое тело стало слегка покачиваться, уши уловили странное бульканье, сопровождаемое натужным то ли покашливанием, то ли хрипом.

– Ну? А сейчас? – хитро улыбнулся Юра.

– Прикольно, – выдавила я, не понимая, что происходит.

– Ща круче будет, – пообещал Юрасик.

Матрас начал мерно извиваться. Мое тело повторяло волнообразное движение. Это напоминало морскую болтанку.

– Супер, да? – прошептал Юра.

– Офигеть, – борясь с подступающей тошнотой, солгала я. – Вот только не понимаю, каким образом достигается данный эффект.

Юра попытался сесть, но потерпел неудачу и снова лег.

– «Алеша Просторный» – модель с водяным матрасом, можно спать и одновременно получать сеанс массажа.

Значит, бульканье и хрипы мне не почудились: грубо говоря, я устроилась на мешке с водой, который будто бьется в эпилептическом припадке.

– Нравится? – не успокаивался Юра.

Я очутилась в непростом положении. С одной стороны, я отлично помню золотые правила совместной счастливой жизни и обязана выражать восторг, чтобы не отбить у Юры желания в дальнейшем проявлять инициативу. С другой – представляю, сколько денег Шумаков отвалил за последний писк сошедшей с ума мебельной моды. С третьей... я категорически не хочу спать в желе, которое то ли хлюпает, то ли чавкает, то ли бьется в бронхиальном спазме.

– Ты как? – уже тихо спросил Юра.

Я не решилась сказать правду и, ругая себя за малодушие, в очередной раз солгала:

– Супер.

– Что-то меня мутит, – протянул Юрасик. – Может, сначала поедим?

– Отличная идея! – подхватила я, готовая на все, лишь бы вырваться из объятий «Алеши Просторного».

В моей жизни однажды уже состоялась встреча с технически навороченной кроватью:⁴ некоторое время я прожила в так называемом «умном доме». Но нынешний вариант куда ядренее того, что был в съемном коттедже. Тот матрас легко вибрировал, а этот изображает бурю в океане.

– Подтолкни меня, что-то встать не могу, – попросил Юра, – давно пора пойти в спортзал, да все времени нет.

Юра задумал повернуться на бок, но маневр не удался. Матрас решительно воспротивился его желанию уйти.

– Еще раз на счет «три», – приказал Шумаков, – ну, айн, цвай, драй!

Я изо всех сил пнула Юрку в спину, но он вновь скатился к центру ложа.

– Неужели нельзя постараться? – возмутился Шумаков.

Если мужчина терпит бедствие, он непременно обвинит в этом свою женщину. Это не золотое правило счастливой семейной жизни, а всего лишь мое наблюдение.

– Извини, милый, – смиренно отозвалась я, – скажи, можно ли выключить «Алешу Просторного»? Думается, если матрас перестанет биться в судорогах, мы быстрее очутимся на ногах.

– Я его уже обездвигил, – воскликнул Юра, – нажал на кнопку «стоп».

⁴ См. книгу Дарьи Донцовой «Монстры из хорошей семьи», издательство «Эксмо».

Глава 6

Пару минут мы лежали молча, потом Шумаков простонал:

– У меня желудок в носу.

– Чудесно, – на автомате ответила я, тихо радуясь, что идея испытать «Алешу Просторного» пришла Шумакову в голову до ужина.

– Издеваешься? – прошептал Юра.

– Нет, – опомнилась я, – меня тоже слегка мутит, давай попытаемся освободить более мелкого из терпящих бедствие, то есть меня.

Шумаков толкнул меня в плечо, я стала поворачиваться, вода под нами угрожающе забулькала, край матраса вздыбился девятым валом и отбросил меня назад. Бульканье перешло в хрип, постель начала извиваться, как удав, подцепивший пляску Святого Витта.⁵

– Сделай что-нибудь, – взмолился Юра, – сползи отсюда, спрыгни, укатись и выруби электричество на щитке. Вероятно, заклинило пульт управления кроватью.

– Собери все свои силы и сбрось меня на пол, – велела я.

Юрик шумно вдохнул, уперся в мою спину ладонями и... я вырвалась из объятий «Алешы Просторного», издав «чпок», словно пробка из бутылки с шампанским. Очертив замысловатую траекторию, я угодила в стену, затем стекла по ней на пол. Тот, кто видел мультики из серии «Том и Джерри», поймет, что произошло: несчастный кот частенько оказывался в столь же плачевной ситуации.

– Вынь теперь меня отсюда, – жалобно заканючил Юра.

Я с кряхтеньем поднялась, с ненавистью посмотрела на «Алешу Просторного» и спросила:

– Что отключать на щитке?

– Не знаю, но у тебя получится, – убежденно сказал Юра.

Уверенность Шумакова налагала на меня огромную ответственность, разве можно разочаровать человека, который нисколько не сомневается в том, что я способна справиться с любой бедой?!

– Поторопись, – зашептал Шумаков. – Я умираю, похоже, мотор заклинило!

Секунду я пребывала в растерянности, потом ринулась в прихожую и выскочила на лестничную клетку к большой железной дверце, за которой прятались разнообразные тумблеры. Отлично помню, как электрик, делавший в моей квартире проводку, подходил к щитку и щелкал рычажками, отключая разные участки от сети. По счастью, дверца была не заперта и передо мной предстало великое множество кнопок. На какую нажать, чтобы «Алеша Просторный» перестал танцевать тяжелый рок? Неужели в моей квартире так много проводов? Удивиться как следует я не успела, потому что сообразила: каждый выключатель отвечает за свою территорию. Ну, допустим, вон тот, желтый, обеспечивает электричеством кухню, а зеленый – туалет. А если наоборот? Почему противный электрик пристроил под каждой пупочкой крохотную табличку с номером, а не написал «гостиная», «спальня», «коридор»?

Палец сам собой нажал на кнопку под номером «семь», она легко ушла внутрь, да так и осталась утопленной, а я поторопилась назад.

Свет по-прежнему горел во всей квартире, вероятно, «семерка» отвечала за несуществующую электропроводку на лоджии. Я вздохнула и потащила назад, буду действовать методом тыка, до сих пор он меня не подводил. Очутившись у щитка, я дернула за большую черную

⁵ *Пляска Святого Витта* – быстрые, произвольные некоординированные движения, подергивания конечностей. Признак органического поражения мозга при ревматизме либо самостоятельное наследственное заболевание.

ручку, торчавшую в правом углу. И снова ничего. «Алеша Просторный» трясся в лихорадке, люстры горели, Юра жаловался на тошноту.

Я опять поспешила на лестницу и была остановлена странным звуком, похожим на выстрел, ноги сами понесли меня назад.

Кровать не шевелилась. Посередине матраса, прижимая к себе кошку, сидел Юрасик.

– Матрас сломался! – Я не смогла скрыть радости и, тут же осознав свою оплошность, лицемерно добавила: – Какая жалость! Надеюсь, его можно починить?

Шумаков встал, по-прежнему обнимая киску.

– Больше никаких вибрирующих агрегатов. Только самая обычная мебель. Фердинанд спас меня от верной гибели.

Я испугалась, долговременная тряска не лучшим образом влияет на человеческий организм. Мозг, бултыхаясь в черепной коробке, перестает разумно оценивать действительность, причем у некоторых людей мыслительная функция не восстанавливается.

– Кто такой Фердинанд? – спросила я.

Юра нежно погладил кота.

– Он. Прыгнул на кровать, начал сгребать в кучу одеяло, простыню, и чертова постель замерла. Не зря я кису привел, он тут же продемонстрировал ум и сообразительность. Фердя хороший!

Юрик принялся нежно поглаживать котяру по спинке, а я поинтересовалась:

– Фердинанд? Почему тебе взбрело в голову это имя?

Шумаков пожал плечами.

– Понятия не имею. Давай спать на полу.

– Правильно, – обрадовалась я, – не дай бог, «Алеша» снова включится. Сейчас пошарю по коробкам, найду парочку одеял, на паркет постелю.

Юра, пошатываясь, сходил в коридор и принес большой пакет.

– Я тут надувной матрас прихватил. Был шанс, что «Алешу Просторного» вовремя не доставят, поэтому я позаботился о запасном варианте.

– Какой ты молодец, – не замедлила я с похвалой, – значит, получил эсэмэс, подтверждающую доставку мебели, и отослал меня под благовидным предлогом в магазин, чтобы устроить сюрприз?

– Угадала, – подтвердил Юрик, – но фокус не удался. Сегодня не надо распаковываться, начнем завтра вечером.

У меня тоже не было ни малейшего желания копаться в коробках и узлах. Да и куда развешивать и распихивать вещи? Мыло и полотенца в ванной есть, остальное не понадобится.

Юра надул матрас, мы наконец-то смогли лечь спать. Фердинанд, которого я из гигиенических соображений тщательно вымыла на ночь, нагло влез между нами и задремал, издавая звук, похожий на храп. Я повернулась на правый бок и, оказавшись, так сказать, лицом к лицу с котом, невольно удивилась. Морда у зверюги была длинной, уши круглые, менее всего он походил на мурку. А еще новый член семьи, несмотря на принятую ванну, пах, как кусок рокфора.

Назавтра около двух часов дня я позвонила в дверь Ласкиных, и меня впустила горничная Рита, хмурая девушка, которая за все время нашего знакомства ни разу не раскрыла рта. По первости я пыталась завязать с Ритой беседу, спрашивала ее о самочувствии, произносила дежурные фразы про погоду, но девица, затянутая в черное шелковое платье, на контакт не шла, максимум, что можно было от нее услышать, это мрачное «добрый день».

Поэтому я лишь улыбнулась и протянула ей куртку.

Маргарита взяла ее, но вдруг неожиданно прошептала:

– Вам лучше уйти.

Я не поверила своим ушам. Рита, оказывается, способна произносить целые фразы.

– Меня велели отправить назад?

Маргарита округлила глаза.

– Нет, но думаю, вам следует держаться от Лизы подальше.

– Это дружеский совет? – рассердилась я. – Если так, то я его у вас не просила.

– Считаете ниже своего достоинства беседовать с прислугой? – окончательно обнаглела

Маргарита.

Я не нашлась что ответить, поэтому перешла в наступление:

– Вот здорово! Сколько раз я вас спрашивала: «Как дела?» – и ни разу не услышала ответа.

– Нам запрещено разговаривать с теми, кто приходит к хозяевам, – отчеканила домработница. – Я ни с кем не чешу языком: ни с Егором, который чистит аквариум, ни с Игорем – сантехником, ни с Женей – электриком. Но...

Дальше события развивались совсем уж непредсказуемым образом.

В прихожую вбежала растрепанная Лиза.

– Ну наконец-то, – закричала она, – где ты была?

– Дома, – ответила я, – потом в дороге, а что?

– Рита, – топнула ногой Лиза, – иди отсюда! Стоит и подслушивает!

Вместо того чтобы тенью скользнуть в служебное помещение, горничная подбоченилась:

– Вы мне замечаний не делайте!

– Маргарита! – возмутилась Лиза. – Что ты себе позволяешь? Ты уволена!

– Я сама ухожу, – громко объявила девушка, – оставайся, блин, со своим хозяйством.

Лиза опустила на обитую бархатом банкетку. Рита сдернула кружевной передник, швырнула на пол, наступила на него, тщательно вытерла подошвы, плюнула, сдернула с вешалки пальто, подхватила туго набитую сумку и удалилась.

– Она сошла с ума? – прошептала я. – Надо позвать экономку. Пусть Люсьена вызовет ей «Скорую».

Елизавета оперлась руками о колени.

– Крысы бегут с тонущего корабля. Не ожидала тебя увидеть, думала, ты смоешься первой.

Я присела перед ней на корточки.

– Что происходит?

Ласкина начала загибать пальцы на руке:

– В шесть утра позвонил шофер Василий. Забыв извиниться за столь раннее беспокойство, гаркнул: «Я нашел другую работу». За ним точно с таким же заявлением прорезался второй водитель. До одиннадцати часов я лишилась массажиста, косметолога, парикмахера, Люсьены, домработницы Маруси и вот теперь Риты. Мы с тобой тут вдвоем. Готовить умеешь?

– Ну, не особо изысканно, – обтекаемо ответила я, – яичница, бутерброды, лапша быстрого приготовления, а ты кулинарией увлекаешься?

Елизавета устала лежать в центре холла фартук.

– Я отлично ставлю чайник. Давай поступим так: я попытаюсь заварить чай, а ты соорудишь бутерброды. Очень хочется есть.

– Не стоит питаться всухомятку, поехали в кафе, – предложила я.

– Шоферов нет, – кисло напомнила Лиза.

– Сядем в мою машину.

– Ты сама водишь? – с сомнением поинтересовалась Ласкина.

– Конечно, ничего трудного в этом нет, научиться легко, – засмеялась я.

– И какой у тебя автомобиль? – не успокаивалась Елизавета.

– «Мини Купер», очень его люблю, – уточнила я.

– Значит, с «Майбахом» ты не справишься, – загрустила она.

Я, уже сообразив, что участвую в пьесе абсурда, попыталась ответить серьезно:

– Все машины сделаны по одному принципу – руль, педали, переключение скоростей. Теоретически я могу отправиться в путь на «Ламборджини», «Феррари», болиде «Формулы 1» и «Роллс-Ройсе», но никогда этого не сделаю, равно как и не сяду за баранку «Майбаха», потому что боюсь разбить заоблачно дорогую тачку. Зато могу расчудесно доставить тебя на обед в «минике». Поехали?

– Если я заявлюсь в «Марчелло» в коробчонке, то будет совсем плохо, – вздохнула Лиза. – Мне надо пресечь слухи, а не подпитывать их!

Я немного обиделась за любимый автомобиль.

– Не понимаю. Что стряслось?

Лиза прищурилась.

– Не знаешь?

– Нет, – пожалала я плечами, – и, кстати, весьма удивлена тем, что твой муж не нанял новую прислугу.

Елизавета встала.

– Вчера в одиннадцать вечера Витя скоропостижно скончался. Ясно, почему ты приехала, теперь, когда знаешь правду, уходи.

– Хочешь побыть одна? – проямлила я. – Это не лучшее решение. Если я тебя раздражаю, то позволь вызвать сюда твоих подруг.

Лиза прислонилась спиной к зеркальной двери безразмерного шкафа.

– Совсем не хочу сидеть одна, я рада твоему присутствию, да только ты, когда все увидишь, живо умчишься прочь.

– С какой стати? – пожалала я плечами.

Лиза потерла ухо.

– Горит. Представляю, какое количество людей материт Ласкина.

– Двигаем на кухню, – решительно приказала я.

В огромном помещении, забитом электротехническими приспособлениями, большую часть которых я видела впервые, стояло три холодильника. Елизавета включила чайник, я залезла в холодильник, обнаружила почти полный ассортимент элитного супермаркета «Полюс вкуса», соорудила сэндвичи и велела:

– Рассказывай.

Ласкина улыбнулась.

– Мне повезло, теперь заживу богатой вдовой, наконец-то от опеки избавилась.

Я уронила на тарелку кусок хлеба, ясное дело, он шлепнулся маслом вниз. Елизавета продолжала болтать. Очень быстро я оказалась в курсе ее проблем.

Несмотря на богатство, а, вероятно, из-за него Ласкина не была счастлива. Ее отец не хотел, чтобы дочь вышла замуж за голодранца, союз с Виктором был заключен исключительно по расчету.

На момент составления брачного договора Елизавета была очень молода, она терпеть не могла цифр, ничего не понимала в юриспруденции и цепенела, увидев в документе пассажи про «движимое и недвижимое имущество». Разве дом или встроенный сейф можно передвигать?

Но спустя несколько лет Лизе пришло в голову еще раз очень внимательно изучить договор, и она внезапно сообразила: Виктор не может претендовать ни на собственность супруги, обретенную до брака, ни на подарки, которые она до сих пор часто получает от отца. В процессе изучения бумаг Елизавета завела тесное знакомство с Русланом, одним из помощников семейного адвоката, и тот открыл симпатичной девушке тайну. Виктор ушел в большую политику, стал депутатом Думы, и не имел права заниматься коммерческой деятельностью. Ласкин

решил проблему традиционно, переформил бизнес на жену, «забыв» предупредить последнюю.

– Ты не ошибаешься? – поразились Лиза.

Руслан засмеялся.

– Нет.

– Я ничего не подписывала, – продолжала недоумевать Елизавета, – к нотариусу не ездила.

– Неужели нигде автографа не оставляла? – усомнился юрист. – Вспоминай-ка.

Елизавета напряглась.

– Иногда я подмахиваю какую-то ерунду, типа доверенности шоферу на вождение моей машины.

– Текст читаешь? – не успокаивался Руслан.

– Зачем? – фыркнула Лиза. – Витя листочки приносит, он и указывает, где черкнуть надо.

– Больше вопросов не имею, – заявил Руслан, – ты и сейчас просто очень богатая женщина, а в будущем получишь еще больше денег.

Лиза впала в изумление.

– Откуда?

– Ты единственная наследница отца, – объяснил Руслан. – Константин Львович составил весьма оригинальное завещание. В случае его кончины госпожа Ласкина делается хозяйкой его домов, яхты, бизнеса и прочего. Из капитала выплачиваются суммы вдове Константина Львовича, за каждый год брака по миллиону долларов. Отличная мысль поставить молодую женщину на «зарплату»: зная о будущей прибыли, она будет с утроенной силой заботиться о супруге. И любая так поступит. Пять лет брака – пять миллионов «зеленых», десять – сумма возрастает вдвое. Если ты умрешь, что, учитывая возраст, сомнительно, состояние окажется у вдовы Ерофеева. Константин Львович поймал свою молодайку, словно паук муху, опутал ее липкой паутиной, бедняжке не рыпнуться. Нет, она всегда может уйти, но мысль об очередном куске пирога ее остановит. А вот у тебя другое положение, если ты сейчас упорхнешь из семейного гнезда, Виктор останется нищим. Ласкин сильно рисковал, переформируя бизнес на жену. Эх ему в политику хотелось! Блефанул на все бабки!

– Я порядочный человек и никогда не прикоснусь к чужому, – возмутилась Лиза, – у меня достаточно папиных денег, зачем мне состояние Вити?

Глава 7

Ласкиных не связывала любовь, но у них были хорошие отношения. Иногда Виктор забредал в спальню жены, порой он даже советовался с ней, спрашивая:

– Как думаешь, что мне лучше надеть на вечеринку?

Но супруги никогда не вели разговоров о бизнесе. Жена понятия не имела, чем занимается муж, она лишь знала, что Витя выходец из бедной семьи, всего добился сам, поднялся в смутные 90-е годы прошлого века. Многие состояния имеют темную историю, но победителей не судят.

Елизавета ничего не могла рассказать о родителях мужа. Вероятно, и отец, и мать Ласкина умерли, еще вероятнее, что они были малопривлекательными людьми, алкоголиками или излишне жестокими воспитателями, иначе почему Витя ни разу не вспомнил об отчем доме? Но при этом он рассказал Лизавете о двух своих неудачных браках.

«Наступил на грабли два раза, – пояснил Ласкин, – первая жена была красива, как ангел, я, дурак, решил, что она меня любит, а спустя год после свадьбы поймал с любовником. Классика жанра: уехал в командировку, рейс отменили, вернулся домой, а там картина маслом.

Мужик убежал, а я давай у супруги выпытывать:

– Зачем тебе другой? Я в постели плох или денег мало давал?

Она призналась:

– Я вышла за тебя замуж из желания выбраться из бедности, а когда наелась, купила шубы-брюлики, захотелось сильных чувств.

Развелись мы тихо, без скандала, а спустя год я снова вышагивал под марш Мендельсона. Романтик, блин, мало мне было одной оплеухи, получил вторую, жена другая, ситуация та же».

Не каждый мужчина столь откровенно расскажет о своих неудачах на личном фронте, и совсем единицы способны признаться, что супруга предпочла ему любовника. Витя принадлежал к меньшинству, похоже, его не волновало ничье мнение, но про родителей он молчал, а Лиза не задавала вопросов, она была слишком молода и не желала копаться ни в своих, ни в чужих историях.

– И вот Витю убили, – заявила, рассказав все это, Лиза. – Это месть мне! Да!

Я положила на бутерброды кружочки помидоров, поставила перед ней тарелку и велела:

– Поешь, выпей успокоительное и ложись спать. Я посижу здесь, никуда не уйду, пока ты не восстановишь силы, буду отвечать на телефонные звонки.

Лиза протянула руку к сооружению из хлеба с ветчиной, отдернула ее и вдруг сказала:

– Не хочу книгу писать.

– И не надо, – кивнула я. – Тебе сейчас лучше не напрягаться.

– Вообще прекращаю проект, – уточнила Лизавета, – буду заниматься бизнесом, проводить совещания, встречаться с людьми, беседовать с партнерами, заключать сделки. Это лучше, чем быть писательницей. Я ведь хозяйка бизнеса.

– В каждой профессии можно найти и минусы, и плюсы, – деликатно заметила я. – Лизочка, ты решила занять кресло мужа?

– Бизнес мой, – капризно повторила вдова.

– Ты хоть знаешь, чем занимался супруг? – не выдержала я.

Лиза накрутила на палец длинную прядь мелированных волос.

– Ласкин делал какие-то железки, – без особой уверенности ответила она, – ну... вроде... чугуна!

– Да уж, – вздохнула я, – может, лучше попытаешься закончить роман?

– Дурой меня считаешь? – разозлилась молодая вдова. – Никто сам делами не утруждается, есть управляющие! Я буду проверять тех, кто руководит рабочими, займусь благотвори-

тельностью, открою на фабриках столовые с умеренными ценами, организую театральный кружок. Вот! Все журналисты бросятся ко мне брать интервью, в России мало женщин – крупных предпринимательниц.

– Детский сад, – помимо воли сказала я.

– Точно, – подпрыгнула Лиза, – хорошая идея. Еще можно открыть при заводах школы, институты, ну и все такое, салоны красоты, СПА...

Раздался грохот, Лиза на секунду замерла, потом бросилась под стол. Я обернулась, увидела причину резкого звука и сказала:

– Лизочка, успокойся, с подоконника упала ваза.

– Это она, – прошептала Ласкина.

– Да-да, – кивнула я, – она. Вещица сделана, похоже, из металла, ничего страшного.

– Это она, – вновь донеслось из-под стола.

Я наклонилась и увидела полные ужаса глаза Лизаветы.

– Она, – повторила хозяйка, – пришла теперь за мной. Сделай что-нибудь.

Я протянула Лизе руку.

– Вылезай.

– Она меня убьет, – всхлипнула Ласкина. – Витю-то отравила по ошибке, охотилась за мной. Знаешь, как все получилось?

У меня нет медицинского образования, но автор детективных романов обязан порой заглядывать в разнообразные справочники, в том числе и для врачей, поэтому в голове тут же всплыла мысль о реактивном психозе.⁶

– Солнышко, – как можно более нежно произнесла я, – давай отведу тебя в постельку.

Лиза монотонно завела:

– Нет, нет, не вылезу, не вылезу, не вылезу.

Делать нечего, пришлось забираться к Ласкиной в укрытие. Я юркнула под стол, поправила скатерть, свисавшую до пола, и сказала:

– Тут здорово. Ты играла в детстве в домик? Я вот устраивала такой при помощи пледа.

Когда мачеха по воскресеньям отправлялась мыть подъезды, шестилетняя Вилка всегда мечтала под обеденным столом.

Лиза уткнулась лицом в мое плечо, я начала гладить ее по спине.

– Ну, ну, успокойся, все будет хорошо. Просто ваза упала.

– Железная, покрытая эмалью? – воскликнула Лизавета. – Назови хоть одну причину, по которой она рухнула. Нет, это она пришла.

– Кто? – не выдержала я.

– Катя, – одними губами ответила Лиза.

– Бывшая жена твоего отца? – уточнила я.

– Ага, – чуть слышно прошелестела Ласкина.

– Извини, солнышко, но в доме, кроме нас, никого нет, двери крепко заперты, окна тоже, – я решила воззвать к логике, но Лиза возразила:

– Сила магии.

– Думаешь, Катя волшебница? – спросила я.

– Она догадалась, кто ее из дома выжил, – заплакала Лиза, – и решила мне отомстить за поход к колдунье!

Я поняла, что нужно действовать решительно, вытолкнула отчаянно рыдающую вдову из «домика», усадила на диван, сама пристроилась рядом и сказала:

– Рассказывай все, о чем думаешь!

⁶ Реактивный психоз возникает как реакция на экстремальные обстоятельства (внезапное падение в воду, пожар, автостаффа, смерть близкого) и пропадает, когда ситуация стабилизируется. Хорошо поддается лечению.

Лизавета стиснула кулачки и прижала их к груди.

– Вчера я велела Ленке, поварихе, заварить мне на ночь чай для похудения, его пьют не сразу, он должен настояться.

Я, проглотив вопрос «зачем стройной девушке скидывать вес», заставила себя слушать.

Лизочка вошла в столовую в тот момент, когда Витя допивал чай из фарфоровой чашки.

– Ну и дрянь, – поморщился он, – я решил, что это компот! А на проверку оказалась редкостная мерзость.

– Милый, ты полакомился отваром для снижения веса, – захихикала Лиза.

– Черт, – оторопел Ласкин, – какого хрена мне его подсунули?

У супругов, как и у всех семейных людей, были определенные бытовые привычки, в частности, Витя всегда садился на левый край стола, лицом к телевизору, а Лизочка устраивалась напротив мужа. Горничные отлично знали, как обычно сидят хозяева, а еще они знали, что Ласкин не любит есть в присутствии прислуги. Поэтому, накрыв стол, женщины испарялись.

– Кружка стояла возле моего прибора, – злился Витя, – почему не там, где ты сидишь? Уволю слуг на фиг! Простой вещи запомнить не...

Возникла пауза.

Лизавета, спокойно намазывая на тост масло, мирно сказала:

– Они идиотки!

Муж не ответил, Лиза оторвала глаза от бутерброда и оцепенела: супруг лежал лицом в тарелке.

– Витя! – закричала Лизавета, – тебе плохо? Врача! «Скорую»!

Ласкин попытался выпрямиться, вытянул руку, но опять рухнул на скатерть.

– Кат... – вымолвил он. – Кат...

Доктора примчались через десять минут после вызова, но ничего поделать не смогли, Витя умер.

– Теперь понимаешь? – спросила Лиза. – Катя отравила чай, напиток предназначался мне.

– Кружку поставили около прибора Виктора, – напомнила я.

– Мы наняли новую горничную, она перепутала, – отмахнулась вдова, – яд предназначался мне.

Я предприняла очередную попытку призвать на помощь логику.

– Цианистый калий и иже с ним вполне материальные вещества, их подливает конкретная рука. Катя должна была зайти в ваш дом, яд не может двигаться силой магии.

– Последнее слово Виктора было «Катя», – напомнила Лиза. – Он, умирая, назвал ее. Я боюсь.

– Вроде он произнес «Кат», – уточнила я и вздрогнула от резкого звонка телефона.

– Ответь, – побелев от страха, попросила хозяйка.

Я схватила трубку:

– Слушаю.

– Лиза? Это Арон Яковлевич, – сказал хорошо поставленный мужской баритон.

Я перебила его:

– Елизавета не может подойти.

– А вы кто? – удивился Арон Яковлевич.

– Подруга. Если у вас важная информация, можете сказать мне, а я передам Лизе.

– Назовите свои фамилию, имя, отчество, – потребовал Арон Яковлевич, – вы кто?

– А вы? – не замедлила спросить я.

– Вергелис, адвокат Ласкина.

– Виола Тараканова, она же Арина Виолова, – представилась я.

– Слышал о вас, – чуть подобрел юрист, – писательница, которая редактирует книгу Лизы. Как там вдова?

– Соответственно случившемуся, – вздохнула я. – А как бы вы себя чувствовали на ее месте?

– Ужасно, – загудел юрист, – я возьму все хлопоты по похоронам на себя, пусть Лиза не переживает, организую их наилучшим образом.

– Еще неизвестно, когда отдадут тело, – тихо сказала я. – Если «Скорая» констатирует, как говорят врачи, «смерть до прибытия», то непременно делают... м... м...

– Лиза рядом? – догадался Арон Яковлевич. – Вы не хотите произносить слово «вскрытие»?

Я обрадовалась понятливости законника.

– Именно так. Могут выясниться обстоятельства, которые повлекут задержку с проведением ритуала.

– Судебный медик завершил работу в полдень, проблем нет, – заверил Арон Яковлевич.

– Какова причина смерти? – бестактно поинтересовалась я.

– Рак легких, метастазы практически во всех органах, – грустно сообщил адвокат, – запущенная онкология. Смерть не насильственная. Попытайтесь успокоить Лизу, я пока не могу дозвониться ни ее отцу, ни его жене, они где-то за границей.

– Да, конечно, – растерянно согласилась я.

– Пусть не волнуется, погребение, поминки – моя проблема, – еще раз произнес Вергелис и отсоединился.

– Старая жаба! – возмутилась Лиза. – Мерзостный гоблин! Сразу ласковым стал, сооразил, у кого теперь деньги.

– Ты поняла, кто звонил? – удивилась я.

– В трубке звук громкий, – пояснила Лиза. – Арон меня терпеть не может. Он хотел выдать за Витю свою дочь, но Ласкин на эту уродину даже смотреть не стал, сказал: «Я столько не выпью, чтобы с Эдитой в кровать лечь».

– Тогда ты знаешь, отчего умер Ласкин? – осторожно спросила я. – Рак легких.

– Чепуха! – заорала Елизавета. – Виктор, правда, курил, но он играл в теннис, прекрасно выглядел, никогда не жаловался на здоровье.

– Сигареты провоцируют рак, – напомнила я.

Елизавета постучала пальцем по лбу:

– Эй, очнись! Он никогда не кашлял!

– Прозектор не мог ошибиться, – уперлась я.

– Значит, это лажа эксперта, – стукнула кулаком по тарелке Лиза, – Катька Витю отравила по ошибке. Хотела меня забрать.

Беседа зашла в тупик. Я предпочла не отвечать Ласкиной, да и что здесь скажешь? Надо сменить тему разговора, но как? Вергелис, желая помочь, оказал Лизе медвежью услугу, взяв на себя все хлопоты, связанные с похоронами. Ох, не зря народный обычай предписывает вдове лично заниматься погребением. Погрузившись в заботы, женщина легче переносит первые дни без мужа.

– Ну зачем я тогда послушалась Соню и поплелась к колдунье? – запричитала Лиза.

Меня осенило: Софья!

– Вы с Лузгиной отношения поддерживаете?

– Конечно, – заморгала Лиза, – мы ведь дружим с пеленок.

– Значит, есть все-таки хоть один близкий человек, – обрадовалась я. – Позвони ей, пусть приедет.

Лиза скорчила гримасу.

– Арон тебе объяснил: они с папой путешествуют, у них страсть ездить в самые труднодоступные места на Земле. Никому не говорят, куда направились, возвращаются, собирают тусовку и показывают снятый в путешествии фильм.

Я пригорюнилась.

– Может, его жена знает, где они? Вероятно, Соня захочет быть сейчас с тобой.

– Чья жена? – заморгала Лизавета, потом засмеялась:

– Ты не поняла! Сонька замужем за моим отцом. Лучшая подруга теперь моя мачеха.

Чего молчишь?

– Ну... не знаю, – растерялась я, – Соня – жена Константина Львовича Ерофеева?

– Точняк, – кивнула Елизавета, – это я их сосватала. Подумала, папахен все равно женится, и неизвестно, кого он найдет. Соньке нравятся мужики в возрасте, она давно без отца осталась, комплекс у нее.

Глава 8

Наверное, у меня был глупый вид, потому что Лиза развеселилась еще больше.

– Мы с Соней здорово устроились.

– Да уж, – пробормотала я, – значит, сообщить Константину Львовичу и Софье о смерти Виктора невозможно?

– Нет, – помрачнела Лиза, – Катя выбрала удачный момент, вычислила, когда я останусь без самых близких людей, и нанесла удар.

Мне очень не хотелось снова скатываться к теме мести, поэтому я быстро увела беседу в иное русло.

– Сейчас тебе звонил адвокат Арон Яковлевич.

– Да, а что? – спросила Лиза.

– Недавно ты упомянула в разговоре новое имя – Руслан.

– Верно, у Вергелиса пять помощников, – сказала Лиза, – вот удивится, когда я потребую документы.

Снова раздался грохот, мы с Лизой одновременно обернулись и уставились на странную конструкцию из трубочек, лежащую на плите.

– Колокольчики упали, – обморочным голосом, на выдохе, сказала Лиза.

Я задрала голову. От крюка на потолке тянулась длинная проволока.

– Соня в подарок из Китая привезла, – с застывшим, словно гипсовая маска, лицом вещала хозяйка. – Злых духов отгоняют. Это Катя сюда злую энергию напускает.

Несмотря на категорическое неверие в колдовство, мне стало жутко, но терять лицо перед Лизаветой не хотела.

– Сквозняк, – нашла я объяснение казусу.

– Ага, – скривилась Лиза, – сначала ваза, теперь колокольчики. И откуда быть сквозняку? Окна закрыты, кондишена нет. Витя говорил: «В лесу живем, зачем нам искусственный вентилятор?» Сколько еще всего должно случиться, чтобы ты поверила в черную магию, к которой прибегла Катя?

– Волшебство невозможно, – уже без прежней уверенности возразила я.

– Возможно! – гаркнула Лиза.

– Глупости! – в запале ответила я.

– Вот умру завтра, тогда поймешь, что ошибалась, – пригрозила Лиза.

Я опомнилась.

– Свое мнение нужно отстаивать, но доказывать правоту при помощи собственной кончины не стоит. Есть лучший способ: я найду Катю, приведу ее сюда, вы поговорите по душам, и ты успокоишься.

– Может, она мертва, – выдвинула новую версию Лиза, – а сейчас тут орудует ее дух.

– Кто сказал? Ты видела свидетельство о ее смерти? – напустилась я на собеседницу.

– Нет, – чуть тише произнесла Лиза, – папа сказал: «Катерины больше нет».

– Фразу Константина Львовича можно понять двояко, – обрадовалась я, – не «нет в живых», а «нет для меня».

Лиза снова включила чайник.

– Катя ушла в домашней одежде, она ничего не взяла с собой, оставила драгоценности, деньги, после побега ни разу не обратилась к бывшему мужу. Так не поступают и...

Я моментально заполнила паузу:

– Лизочек, определись: либо Катя жива, либо умерла. А еще лучше – иди поспи.

– Не хочу, – капризно заявила новоиспеченная вдова, подошла к дивану, легла и через секунду мирно засопела.

Я сходила в гостиную, принесла оттуда плед, прикрыла им хозяйку, вернулась в комнату с огромным телевизором, устроилась в кресле и позвонила Юре с просьбой узнать, где находится нынче Катя, вторая жена Константина Львовича.

– Подскажи ее фамилию, отчество и год рождения, – велел Юра.

– Понятия не имею, Лиза вроде называла ее фамилию, но она вылетела у меня из головы. Ты запросто найдешь сведения о ней через Ерофеева, – посоветовала я. – Он с ней официально регистрировал брак, следовательно, в архиве должны быть данные Кати.

– Очень уж ты умная, – загудел Шумаков, – в связи с этим вспоминается Шекспир, «Ричард Третий», сцена, где король обращается к маленькому племяннику, отмечает его сообразительность, а потом дополняет комплимент фразой: «Такие дети долго не живут на свете». Пardon, ежели процитировал не точно, но отлично помню, что после ласковых речей дяди крошка был задушен. Ага, нашел. Яркина Екатерина Михайловна, после замужества стала Ерофеевой. Отца у жены олигарха не было, мать Валентина умерла, зато есть брат Олег, проживает в Москве, безработный, имеет судимость за мелкую кражу.

– Где сейчас живет Яркина? – обрадовалась я столь удачному развитию сюжета.

– Нигде, – неожиданно ответил Юра, – последняя регистрация в доме мужа.

– Там ее нет, Катя давно ушла от супруга, – внесла я ясность.

– И никуда не пришла, – возразил Шумаков. – Кстати, пару развели в отсутствие жены, она не явилась на процесс.

– Ладно, найди какие-нибудь следы Яркиной, – приказала я, – поройся в базе ГАИ, женщина могла покупать машину, сдавать экзамен на права. Покопайся в кредитных историях, вероятно, Катя брала кредит в банке. Мне очень надо ее отыскать.

– Хорошо, – без особого энтузиазма пообещал Юрасик, – хочешь адрес Олега? Вдруг он в курсе, где сестра.

– Отличная идея! – обрадовалась я. – Диктуй. И не забудь про телефон.

Трубку в квартире Яркина взяли моментально.

– Че надо? – грубо рявкнули из аппарата.

– Можно поговорить с Олегом?

– Вечером, – захрипел бас, – после восьми.

– Олег на работе? Не подскажете, где он служит? – спросила я.

– На рынке, блин, – закашлялся незнакомец, – в Тушине.

– Сделайте одолжение, подскажите, в каком магазине торгует Яркин? – допытывалась я. Телефон заклокотал, забулькал и выдал:

– Он дерьмовец.

– Уж простите, – заныла я, – вероятно, вы в обиде на Яркина, но я вам ничего дурного не сделала, помогите мне, пожалуйста. Рынок-то огромный.

– Никаких обидок, – удивился мой собеседник, – сказано: он дерьмовец. Ищи около сортиров, Яркин бабло с тех, кому посрать приспичило, собирает. Царь туалетных кабинок.

– А-а! – дошло до меня. – Дерьмовец – это не характеристика личности, а название профессии?

– Слишком ты умная, – недовольно произнес незнакомец, и разговор завершился.

Я засунула мобильный в карман. «Такие дети долго не живут на свете», – пронеслось в голове. Я неожиданно рассердилась на Юру, не к месту процитировавшего Шекспира, нацарапала для Лизы записку, положила ее на стол, поправила на вдове плед и поехала в Тушино.

Абсолютное большинство москвичей ругает пробки. Я тоже исполняла свою партию в общем хоре, пока не сообразила: я могу изойти на мыло, извертеться за рулем, довести себя до нервного припадка, но от этого движение на шоссе не станет быстрым. Пробка – неизбежность, ее надо полюбить и использовать потраченное время с пользой. Вот сейчас, намертво встав у выезда на Волоколамское шоссе, я позвонила Нине Журовой, которая не первый год работает

врачом в поликлинике, и попросила ее прочитать мне лекцию о раке легких. Может ли он протекать бессимптомно, незаметно для больного?

Журова не подвела. Вскоре я узнала, что некоторое время болезнь может не тревожить человека. На легкий кашель и небольшую одышку люди, как правило, не обращают внимания, никто регулярно не сдает анализ крови на онкомаркеры. Но с течением времени неприятные симптомы начинают нарастать, и становится ясно: пора бежать к доктору.

Патологоанатом сообщил Арону Яковлевичу о метастазах в органах Ласкина, и это удивительно: находясь в такой фазе заболевания, Виктор должен был испытывать серьезный дискомфорт. Но он по описанию жены выглядел здоровым, вел привычный образ жизни, играл в теннис, курил.

Поток машин двинулся, я обрадовалась и отпустила педаль тормоза. Надеюсь, Олег Яркин поддерживает связь с сестрой.

Возле голубых кабинок восседала на табурете толстая старуха, замотанная, несмотря на конец марта, в бесчисленное множество шалей, полушалков и платков.

– Где Олег? – спросила я.

Баба оглушительно чихнула.

– Не надейся!

– На что? – не поняла я.

– На все, – философски заметила пенсионерка. – Денег он не отдаст и не женится. Ты не первая.

Я притворилась расстроенной.

– Правда?

– На хрена мне врать? – элегически протянула бабища. – Смысла не вижу. А вот и ен, родименький. Олежка, к тебе новая докука приперла. Лови его!

Последние слова адресовались мне. Я сделала шаг вперед, не понимая, где брат Кати, и вдруг увидела, как от толпы отделилась квадратная фигура в темно-красном длинном пальто и споро двинулась к ограде.

– Олег! – крикнула я. – Подождите, поговорить надо.

Мужчина продолжал убыстрять шаг, я заорала:

– Яркин, всего на пару слов!

Брат Кати опрометью кинулся к дощатому сараю, я бросилась следом и схватила беглеца за рукав.

– Слышь, погоди маленечко, – захрипел Олег, пряча опухшее лицо в воротник явно женского пальто из драпа, на отделку которого пошла шкурка невинно убиенного неизвестного зверя, – отдам после обеда. Все до копейки!

Сильный запах перегара не помешал мне сосредоточиться.

– Вы у меня ничего не брали.

– Да ну? Точно? – переспросил Олег.

Я поняла, что он задолжал всем вокруг, боится неминуемой расплаты, которую устроят ему кредиторы, и успокоила горемыку.

– Просто поговорить хочу.

Но маргинал занервничал еще сильнее.

– Неси ПМК, тогда потолкуем.

Я попыталась сообразить, что означает эта аббревиатура. Переносной малый компьютер? Полный мешок кактусов? План местных катакомб? А Олег занудил:

– Много вас таких, один раз-то небось и трахнулись по пьяни, а потом всю жизнь тебе алименты плати? Это справедливо? Дети должны по общему договору получаться, а не от пустого сексу.

– ДНК! – осенило меня. – Генетический анализ, подтверждающий отцовство! Успокойтесь, я с таким, как вы, не лягу в кровать даже под дулом автомата.

К сожалению, я порой абсолютно некстати сообщаю людям правду. Сейчас Олег обидится и конструктивный диалог не состоится.

– Фу, – выдохнул Яркин, – если не бабки и ты не беременная, чего тогда надо?

Я решила не затягивать беседу.

– Где найти Катю?

Олег икнул, и мне пришлось сделать пару шагов назад: похоже, дяденька никогда не чистит зубы, а умывается только на Пасху и Рождество.

– В сапогах, – изрек Яркин, – возле китайца, который лапшу разливает.

Я не поверила своей удаче.

– Катя торгует обувью?

– Ушла с пуховиков, – деловито просипел Олег. – Ахметка к ней приставал, а Генка, хозяин контейнера с ботинками, к бабам не вяжется. Ступай по центральной аллее до дубленок, там налево.

– Спасибо, – от всей души сказала я.

– За спасибо не поешь, – изрек Олег.

Я протянула ему десять рублей и не удержалась от замечания:

– Не перестанешь бухать, заработаешь цирроз печени.

– Че, правда? Тогда побегу, запишусь в библиотеку, – хмыкнул Яркин, – буду этого читать, ну... в общем, Пушкина.

Я побежала искать китайскую столовую, очень быстро нашла железный вагончик, около которого сидела пара грязных собак, и спросила у сильно опухшей тетку, сгорбившейся на стуле возле вывески «Сапоги на любые ноги».

– Где Катя?

– Иван Михайлович прислал? – задала вопрос бабенка. – Пусть не спешит. Дерьмо привезли, ему такие боты носить стыдно. Новая поставка будет в начале апреля.

– Мне нужна Катя, – повторила я.

– Ну? Это я, – ответила тетка.

Я оторопела. По моим расчетам, сбежавшая супруга Ерофеева должна быть молодой и красивой. Но, с другой стороны, если каждый день прикладываться к бутылке, то быстро станешь похожа на старого поросенка.

– Вы Яркина?

Баба встрепенулась.

– Кто?

– Екатерина Яркина, – повторила я, – сестра Олега, который при туалетных кабинках служит.

– Избави дьявол от такого родства, – хрипло засмеялась бабища. – Олега знаю, он мне на реализацию сапоги иногда притаскивает, не спрашивай, где берет, не мое это дело. Сестра! Ха! Хорошо хоть женой не обозвала!

Забыв поблагодарить женщину, я обогнула собак, в тщетной надежде взиравших на китайскую еду, и вернулась к сортирам. Яркин дремал, облокотившись на столбик, на котором висел рулон туалетной бумаги.

– Послушайте, – начала я.

– Хорошая, мягкая, трехслойная, – не открывая опухших век желто-фиолетового цвета, протянул Яркин, – вам одну порцию или пару открутить? Пять рублей за штуку.

– Дороговато за клочок, размером с ладонь новорожденного лемура, – крикнула я, решив, что пришла пора применить грубую силу, сначала вербальную, а дальше как получится. Те, кто

не первый раз встречается со мной, знают, что я имею большой опыт общения с алкоголиками,⁷ детство и отрочество будущей писательницы Виоловой прошло не с гувернантками, боннами и няньками, а среди запойных пьяниц.

– Слушай сюда, заканчивай дрыхнуть, отвечай на вопросы! Иначе получится как всегда, – завершила я фразу, – придут трое и протрут тебе пятак наждаком.

Олег приоткрыл глаза и простонал:

– Че? Катьку не нашла? Сказал же, у китаезной жрачки.

– Я ищу твою сестру Екатерину Ярцеву, а не бабу, которой сдают краденые вещи, – объяснила я.

– Катюху? – выпучил мутные глаза Олег.

– Дошло наконец, – обрадовалась я, – просветление в мозгу случилось.

– Она померла, – равнодушно сообщил братик, – давно, не один год прошел.

– Точно знаешь? – расстроилась я. – Ты на похороны ходил?

Олег потер кулаком нос.

– Не, меня не позвали.

– Тогда почему ты решил, что сестры нет в живых? – надела я на пьянчужку.

– Не звонит, не приезжает, денег не дает, – начал загибать пальцы информатор, – всегда мне помогала, и вдруг тью-тью. Катька брата не бросит. Померла она.

– Если предположить на секунду, что Катерина жива, то где она может быть? – не отставала я.

Яркин оторвал от рулона кусок бумаги, звучно в него высморкался и неожиданно сказал:

– А у Стефки Миль. Где же еще?

– Давай адрес и телефон, – приказала я.

Яркин продемонстрировал задатки бизнесмена:

– И чего получу взамен?

Пришлось вытащить из портмоне новую десятку.

– Прибавить надо, – алчно потребовал собеседник, – сотнягу отстегивай.

Я пожала плечами.

– Бог подаст.

– Катись, – охамел Яркин, – знать не знаю никакую Миль!

– А и не надо, – ответила я, – имя и фамилия редкие, сама найду, пороюсь в Интернете, и готово.

Олег выдернул из моих пальцев купюру.

– Стефка со мной не здоровается, если скажешь, кто к ней тебя отправил, говорить с тобой не станет.

– Не беспокойся, – сказала я, – не назову информатора.

⁷ См. книгу Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».

Глава 9

Телефона Стефы Олег не знал, а ехать к ней я поостереглась: вероятнее всего, молодая женщина на работе, лучше загляну после семи. Не зная, чем заполнить освободившееся время, я начала бродить по рынку, купила симпатичные крючки для кухонной утвари, приценилась к шерстяным пледам и, в конце концов, очутилась около цветочной лавки, на витрине которой красовались растения в горшках. Я быстро вошла внутрь и сказала продавцу:

– Хочу «Tiger Spektacular».⁸

Мой редактор Олеся Константиновна любит всевозможные растения, от нее я и понабралась ума, могу назвать фиалки по латыни, как профессиональный ботаник. И отлично помню, что Олеся давно хочет иметь этот вид. Я никогда не встречала фиалок, у которых на кустах растут махровые сине-фиолетовые цветы, но раз Олеся о них мечтает, значит, такие встречаются. Мне хочется порадовать подругу, поэтому я всегда захожу в цветочные лавки и, как правило, слышу от продавщиц:

– Что такое «Tiger Spektacular»?

После короткого уточнения продавщицы удивляются еще больше и говорят:

– Впервые слышу.

Но сейчас за прилавком сидел пожилой мужчина, он молча кивнул, открыл дверь, ведущую в заднюю часть магазинчика, и поманил меня рукой. Я не замедлила пойти на зов и очутилась в крохотном грязном закутке, где на полу валялись оборванные листья и срезанные ветви. Старик, по-прежнему не произнося ни слова, толкнул дверь, покрытую облупившейся масляной краской, и снова сделал приглашающий жест. Я вновь подчинилась и вошла в комнату, разительно отличающуюся от остальных. Вокруг царил чистота, пол покрывала глянцевая плитка, вдоль стен тянулись полки с горшками. Часть растений находилась в специальных холодильниках, другие, наоборот, грелись под мощными лампами в мини-оранжереях, третьи стояли на обычных полках.

Дед взял со стола доску и написал на ней мелом: «Tiger Spektacular?»

Тут только я сообразила, что он глухонемой, и потянулась к мелу, но хозяин быстро нацарапал следующую фразу: «Читаю по губам».

– Да, – четко произнесла я.

Дедуля осмотрел хранилище и вынул из небольшого холодильника горшок с невзрачным кустиком с одним темно-фиолетовым бутонем.

– Хилый какой-то, – заколебалась я.

«Так надо. Расцветет».

– Красиво? – с подозрением уточнила я. – И запахнет?

«Да».

Я засомневалась. Ботаник из меня, как из балерины шахтер. Конечно, я отличаю розы от гвоздик и кактусы от флоксов, но на этом дело заканчивается. Обмануть меня ничего не стоит.

«Не спеши», – продолжал «разговор» дедуля.

Последнее замечание убедило меня в честности намерений старика. Торговец-мошенник будет торопить покупательницу, постарается лишить ее времени на раздумья. Да и задняя комната с дорогой аппаратурой свидетельствовала в пользу пенсионера.

– Беру, – кивнула я, – сколько?

«Десять тысяч».

Я подпрыгнула.

⁸ Виола путает название. На самом деле фиалка называется «Lyon's Spektacular». То есть не тигр (Tiger), а лев (Lyon's). Тараканова ошиблась в хищниках. И они не четырехцветные, Виола окончательно запуталась.

– Сколько?

«Десять», – не изменил цифры дед.

– Очень дорого, – расстроилась я, – у меня столько нет.

Продолжая сетовать на цену невзрачной фиалки, я вытащила кошелек и продемонстрировала пенсионеру его содержимое.

«Ты кто? – написал дедуля. – Откуда?»

– Виола Тараканова, – представилась я, – просто мимо шла. Хочу подруге купить «Tiger Spektacular». Она обожает фиалки.

Дедушка убрал горшок и легонько подтолкнул меня к двери.

Спустя пару секунд мы очутились в общей части магазинчика. Старик снял с подоконника горшок, поставил его у кассы и взял доску:

«Двести рублей».

– Отлично, – обрадовалась я, – но почему такая разница в цене?

Продавец улыбнулся и нацарапал новую фразу.

«Цветы знаешь? Именуешь по науке».

– Совсем не разбираюсь, – честно призналась я, – а латинское название слышала от подруги, вот она почти профессионал.

Дед кивнул и нацарапал мелом на доске:

«200 р. – обычный, 10 т. евро – коллекционный».

– Евро? – в ужасе повторила я. – Фиалка в задней комнате сделана из платины и высажена в горшок из цельного рубина? Десять тысяч в европейской валюте! За такие деньги машину купишь!

«Цветы – как марки, – ответил дед, – их собирают».

Я перевела дух.

– Ясно, значит, за две сотни можно купить самый обычный сорт, а за безумную сумму – раритет. Спасибо, давайте дешевую фиалку, она Олеся обрадует, эксклюзив мне не по карману.

На доске появилась новая надпись:

«Приходи».

Дедок сунул мне визитку и помахал рукой. Я выбралась на улицу и, перед тем как спрятать карточку в сумку, прочитала текст:

«Волгин Степан Федорович. Горшечные растения, оформление букетов, свадеб, ритуальные услуги. Живые картины и цветочные часы для садов. Ландшафтный дизайн. Разные виды и сорта».

Я убрала визитку, шагнула вперед, споткнулась о какой-то ящик, боясь упасть и разбить горшок, схватилась рукой за какой-то предмет и чуть не заорала от боли.

Оцените мое «везение»: я ухитрилась почти содрать ноготь, уцепившись за железный штырь с объявлением: «Шью шапки из меха заказчика».

Неся на весу руку, я добралась до машины, позвонила в салон, где всегда делаю маникюр, и услышала:

– Конечно, приезжайте, у мастера Тани плотная запись, но для вас всегда найдется минутка.

С огромным трудом я дорулила до парикмахерской.

– Ой-ой-ой, – запричитала Танюша, – Вилочка, тебе, наверное, больно.

– Терпимо, но если случайно задеваешь пальцем что-либо, дергает как нерв в больном зубе, – произнесла я.

Танюша погладила меня по плечу, забинтовала пострадавший перст и сказала:

– Извини, клиентка сидит в лампе, я ей гель поменяла, отшлифую даме ногти и тобой займусь. Хочешь кофе?

– Лучше чай, – попросила я. – С лимоном.

– После перенесенного стресса рекомендую сладкое, – предложила Танюша, – обернись, там на полке халва, прянички. Угощайся на здоровье, Тоня принесет чай.

Вскоре красивая брюнетка внесла в кабинет поднос. Я осторожно наполнила чашку и начала изучать ассортимент сладостей. Халва, зефир в шоколаде и курабье были отвергнуты сразу. Выбор пал на крекеры, а еще я увидела на столике банку с нарисованной на крышке пчелой. Тут же захотелось меда.

Я повертела круглую пластмассовую тару. Товар, похоже, из Японии, на этикетке сплошные иероглифы и слово «Tokio». Никогда не пробовала мед из Страны восходящего солнца!

Крышечка снялась легко, я понюхала содержимое, оно пахло соответственно и на вкус оказалось восхитительным, и когда чайная ложечка начала скрести по дну, я опомнилась и стала укорять себя. Вилка, как тебе не стыдно! Сlopала весь мед, разве можно так объедаться. В самый разгар самобичевания появилась Танюша и, как всегда, весело застрекотала.

– Ногти не зубы, новые отрастут. Сейчас запилю, отлично получится, нам вчера много лаков привезли, американских...

Танюшина речь превратилась в бормотание: меня стало клонить в сон, веки смежились, тело растеклось по мягкому креслу. Лишь желудок не дремал, в нем началась настоящая война, с применением конницы и ковровых бомбардировок.

– Хочешь куриную котлету? – внятно предложила Танюша.

– Спасибо, нет, – зевнула я.

– У тебя в животе ураган, – не успокоилась мастерица, – одна кишка другой на голод жалуется.

– Я съела целую банку меда, – призналась я, – шницель будет лишним.

Танюша отложила кисточку.

– Банку меда? Где ты ее взяла?

– На столике, – пояснила я, – вон, пустая упаковка.

Танюша моргнула, потом, не произнеся ни слова, развернулась и умчалась прочь. Я не удивилась, Танечка человек стремительный, не ходит, а летает, наверное, побежала за какими-то инструментами.

Глаза закрылись. Бульканье в животе не раздражало, зато очень хотелось спать.

– Вот, смотри! – заорала Таня.

Я подскочила в кресле, дрема улетела прочь.

– Вилочка, как самочувствие? – заботливо спросила маникюрша.

– Отлично, – заверила я, – только в сон клонит.

– Ой! – испугалась Таня. – Такое возможно?

Вошедшая вместе с ней девушка важно кивнула:

– Индивидуальная реакция.

– Она не помрет? – спросила Танюша.

Я выпрямилась.

– Ты о ком?

– Температура есть? – деловито осведомилась незнакомка. – Кашель, насморк?

– Нет, – удивилась я.

– Тяжесть в груди, онемение конечностей, кратковременная потеря сознания? – наседала девица.

Я повернулась к Тане.

– Кого ты привела?

– Нонну, она в аптеке работает, наша соседка, – представила незнакомку Таня, – все-все-всешеньки про лекарства знает, хороший врач, окончила институт.

– Захватила меня, – смутилась Нонна. – Танюша всполошилась из-за вашего состояния.

– Не стоит беспокоиться, – улыбнулась я, – меня слегка разморило от меда.

Нонна деликатно кашлянула.

– Дайте поглядеть на банку.

Я подала провизорше пустую тару.

– Это не мед, – застонала Таня, – ой-ой-оюшки!

– А что? – всполошилась я.

– Состав для безболезненного удаления волос с тела, – она неожиданно хихикнула.

– Этикетка и крышка украшены изображением пчел, – возразила я.

– Верно, – кивнула Танюша, – мед часто в состав депилятора входит.

– Пахло вкусно, – невесть зачем уточнила я.

– Напихали отдушек, – объяснила маникюрша, – вон в туалете мыло стоит, у него цитрусовый аромат, закроешь глаза и словно в ящике с апельсинами сидишь. Химическая промышленность не стоит на месте.

До меня наконец-то дошел смысл сказанного Танюшей.

– Средство для депиляции! А почему оно оказалось рядом с едой?

Татьяна промокнула бумажной салфеткой глаза.

– Не знаю. Зефир и печенье слева от раковины стоят, депилятор справа. Может, кто-то не на то место сунул? У нас уборщица дура, вчера вваливается сюда с пылесосом и давай гудеть. Я ей замечание сделала: «Работаем до десяти, сейчас восемь, уходи». А она в ответ: «Чего сидеть без толку, людей-то нет». Моя клиентка разозлилась, я, говорит, что, нелюдь? Ну и ушла, педикюр делать не стала. Наверное, эта дурная баба опять все перепутала.

У меня похолодели ладони и затряслись руки и ноги.

– Не пугайтесь, – поморщилась Нонна, – здесь отравы нет.

– Вы знаете японский? – усомнилась я.

– Нет, – призналась Нонна, – но на упаковках с ядом рисуют череп с костями. Вечером температуру померяйте и, если будет тридцать семь, примите таблетку аспирина. Не стони, Танечка, от отравленного продукта сразу ласты склеивают. Могу вам парацетамол оставить.

– Спасибо, не надо, – поежилась я.

Танюша перешла из стадии отчаяния к стадии веселья:

– Надо же, слопала депилятор, хорошо что сегодня в салоне никто шоколадное обертывание не запланировал, там банка двухлитровая.

– Столько сладкого никому даже с отчаянной голодухи не осилить, – хихикнула Нонна, – проводи меня.

Таня и провизор убежали, маникюрша вернулась спустя минуту, а через мгновение в кабинет цепочкой потянулись сотрудники салона. Они робко стучали в дверь и произносили из коридора: «Извините, нужны ножницы, пилка, полотенце, мыло...» Получив разрешение войти, девушки влетали в кабинет, разглядывали меня и, прыснув, выскакивали назад, забыв прихватить ножницы, пилки, полотенце, мыло и прочие якобы понадобившиеся им предметы. Мне стало ясно: Танюша растрепала про клиентку, полакомившуюся составом для депиляции, и сотрудникам захотелось на меня полюбоваться. Одна из девах даже привела посетительницу, и та, под предлогом выбора лака, таращилась на меня, пока не устала.

Приняв решение более никогда не возвращаться на место моего позора, я расплатилась за услугу, села в машину и поехала к Стефе Миль.

Глава 10

– Баба пришла! – завопил в квартире детский голосок, едва мой палец нажал на звонок. – Баба!

Дверь распахнулась, из коридора высунулся круглощекий голубоглазый малыш.

– У-у-у, – разочарованно отреагировал он на меня, – у-у-у.

– Ваняша, бабушку надо любить просто так, а не за подарки, – донеслось из комнаты, – нехорошо выпрашивать сладости. Бабуля на пенсии, где ей лишние деньги брать?

– Лишних нет, а на машинку есть, – сказали сзади.

Я обернулась и увидела невысокую полную седую даму в старомодном драповом пальто с норковым воротником.

– Бабуленька! – заорал малыш. – Я тебя просто так люблю! Что ты мне принесла?

Старушка с заговорщицким видом вытащила из сумки небольшую коробочку, малыш вцепился в нее.

– Мама, – с укоризной произнесла стройная женщина в фартуке, выходя в прихожую, – не балуй Ванюшу, не надо ему постоянно игрушки таскать, ты же меня не заваливала куклами.

– Глупая была, – усмехнулась старушка, – строго тебя воспитывала. Теперь твой черед ребенка муштровать, а я буду получать удовольствие от Ваниного восторга!

– Вы к нам? – опомнилась молодая женщина, посмотрев на меня. Наверное, это и есть Стефа?

– Не подскажете, где найти Катю Яркину? – в лоб спросила я.

Стефа вытерла руки о передник, а ее мать перекрестилась.

– Катюша умерла, – ответила Стефа (конечно, это она и есть). – Давно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.